Аксаковский ДОМ

№ 7 Издается с декабря 2010 года

ГАЗЕТА БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА

С ОТКРЫТИЕМ ЮБИЛЕЙНОГО СЕЗОНА!

Впервые

Театр вышел из своих стен

10 сентября Башкирский государственный театр оперы и балета подарил уфимцам яркое зрелище. Труппа вышла из стен театра на улицу Ленина, чтобы возвестить о скором открытии 75-го юбилейного сезона и пригласить всех на спектакли Уфимской оперы.

...Ровно в 18 часов с балкона раздались фанфары. Лакеи в праздничных ливреях распахнули центральные двери, зазвучала музыка Петра Чайковского из оперы "Евгений Онегин", и артисты балета прошествовали в торжественном полонезе. Горожане, спешившие по своим обычным делам, замедлили шаг и остановились, зачарованные магией танца, роскошными историческими костюмами пушкинской эпохи, красотой музыки великого русского композитора. А один пятилетний малыш с присущей этому возрасту непосредственностью принялся повторять вслед за профессионалами замысловатые па, чем вызвал немало улыбок. Следом эффектно появились дамы и кавалеры, в которых многие узнали светское общество Парижа начала прошлого века (герои оперетты Франца Легара "Веселая вдова").

Зазвучала зажигательная увертюра из оперы Бизе "Кармен", и начался своеобразный парад, в котором предстали герои популярных опер и балетов. Уфимцы азартно гадали - кто есть кто? Раскроем карты для тех, кто не всех "опознал". "Чудо, как хороша" Татьяна Ларина и князь Гремин ("Евгений Онегин" Чайковского), волшебник Дроссельмейер и Щелкунчик-кукла ("Щелкунчик" Чайковского), Риголетто, Джильда и Герцог ("Риголетто" Верди), Дон Кихот и Санчо Панса ("Дон Кихот" Минкуса), Кармен и Эскамильо ("Кармен" Бизе), блистательная Зарема ("Бахчисарайский фонтан" Асафьева), Золушка и Принц ("Хрустальная туфелька" Спадавеккиа) и, наконец, королевская чета из "Спящей красавицы" Чайковского. Ну, а завсегдатаи театра вычислили в знакомых образах и любимых артистов. В этом шествии приняли участие солисты оперы Резида Аминова и Артур Каипкулов, Галина Чеплакова и Алим Каюмов, Владимир Копытов и Любовь Буторина, Эльвира Алькина и Владимир Орфеев, Инна Романова и Ильгиз Хакимов, артисты балетной труппы и хора.

Завершил необычную театральную акцию Большой вальс из "Лебединого озера" Чайковского, под пленительные звуки которого персонажи оперной и балетной классики "пошли в народ", презентуя рекламные проспекты о театре и приглашая самых смелых из зрителей на тур вальса. Желающие могли на миг попасть в сказку и сфотографироваться с любимым героем, а взметнувшиеся в небо 75 шариков напомнили о начале юбилейного сезона.

Идея проведения шествия принадлежит художественному руководителю театра Рустэму Сабитову, а ее реализация - режиссеру Айсылу Иксановой при участии всех цехов и служб театра. Кто-то вспомнил замечательную традицию проведения концертов под отрытым небом "Пролог к сезону", которую театр практиковал на рубеже 1999-2000 годов. Не подвела и погода: весь день то и дело накрапывал надоедливый дождик, но к 18 часам, как по заказу, выглянуло солнце, ветер утих, и устроители праздника облегченно вздохнули: выход состоится. Удовольствие от происходящего получили все – и публика, и артисты. "Для нас такое неформальное общение со зрителями – очень приятно и трогательно, – поделилась своими впечатлениями певица Любовь Буторина. – Когда не разделяет оркестровая яма, возникает совсем другая атмосфера, более тесное общение. Ты видишь глаза зрителей, их непосредственный отклик, и это вдохновляет".

Марина ЛУГОВАЯ.
Фото Романа ШУМНОГО.

Не только о премьере

Георгий ИСААКЯН: «Оперу убивают неталантливые,

В Башкирском государственном театре оперы и балета вновь премьера. 5 и 6 октября впервые на уфимской сцене засияет опера В.А. Моцарта «Школа влюблённых, или Так поступают все женщины». Премьеру готовит слаженная творческая команда: музыкальный руководитель и дирижер Артём Макаров, хормейстер – Эльвира Гайфуллина, художник – Хартмут Шёргхофер (Австрия). Ставит спектакль Георгий Исаакян (Москва) – один из самых интересных оперных режиссеров современности. Его 60 спектаклей на сценах крупнейших театров России и мира отличаются неординарностью, новаторством, заслужили высокую оценку критики, вызвали огромный интерес зрителей, в том числе и столичной публики. Уфимская публика уже знакома с работами талантливого мастера – операми «Послы Урала» З. Исмагилова, поставленной в 2007 году к 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России, и «Князь Игорь» А. Бородина, премьера которой прошла в рамках XIII Международного фестиваля оперного искусства «Шаляпинские вечера в Уфе» в 2010 году. Незадолго до нынешней премьеры Георгий Георгиевич согласился ответить на несколько вопросов. Беседа обернулась не только повествованием о процессе создания уфимского спектакля, но и увлекательными рассуждениями о театре, музыке, духовных и нравственных ценностях…

- Георгий Георгиевич, когда ставили «Князя Игоря», вы говорили, что театр ограничивает вас определенными рамками, дальше которых вы продвинуться не можете, и спектакль получился больше традиционным. В «Школе влюблённых» вам дали больше свободы?

- Я понимаю, театр все время вынужден балансировать между тем, что нужно ему самому и как угодить публике. В обществе существуют разные представления о театре. Одни считают, что все должно быть так, как они помнят, то есть как это было лет сорок назад. Другие хотят экспериментов. Любая классика когда-то была современностью, и прошло много времени, прежде чем она устоялась. Вообще термин «классическая постановка» ни о чем не говорит, ибо стандарт классической постановки со временем сильно меняется. Я думаю, если бы сейчас кто-нибудь сделал спектакль таким, как это было во времена Моцарта, то мало, кто из зрителей его выдержал бы. Мы с постановочной командой долго обсуждали, как должен выглядеть наш спектакль. И, в конечном счете, договорились: ставим комическую оперу, и она должна вызывать мгновенную реакцию узнавания публики. Эта опера на достаточно деликатную тему взаимоотношений мужчины и женщины, очень рискованного типа отношений, рискованных провокаций. Зритель начинает все воспринимать отстраненно, как только между ним и сценой возникает большая дистанция. И русский язык мы выбрали поэтому. Современная практика исполнения произведения на языке оригинала вступает в противоречие с природой театра, как явления, происходящего мгновенно. Прозвучала шутка – зритель должен понять и засмеяться. Табло с переводом – штука хорошая, но рассчитана она на людей, которые посещают оперу раз в неделю, разбираются в ней, кому не нужно заглядывать в содержание. Я считаю, уфимский театр правильно делает, что ставит спектакль именно на русском языке. Поскольку художник Хартмут Шёргхофер из Европы, то весь визуальный язык оперирует современными знаками сегодняшнего европейского театра. Действие будет происходить в узнаваемых для современного человека обстоятельствах – обычный колледж, университет, спортзал. Персонажи знакомые. Собственно декорация – это конструкция, при помощи которой можно легко обозначить разные места действия: то спортивная площадка, то военный плац. Кроме того мы используем театральный прием знаков. Всего одна-две детали обозначают новое пространство. Это тот случай, когда театр не притворяется жизнью. Он словно говорит: «Я – театр. Вот это – сцена. Вот – происходящее на сцене. Я обладаю своим языком. И мне не нужно восстанавливать жизнь во всех ее мельчайших подробностях: разбивать газоны, высаживать деревья. Мне достаточно одной детали, и мы с вами поймем, где все происходит».

Из понятной истории, модернисткого наполнения, точной актерской игры сложится наш спектакль.

- Вы много внимания уделяете именно актерской игре…

- Есть оперы, прежде всего, певческие. «Так поступают все женщины» – одновременно и певческая, и актерская. Здесь шесть сложнейших вокальных партий, и далеко не каждый театр берется ставить эту оперу. При этом вокалисты должны по максимуму проявить именно артистические способности, поскольку это не плоская комедия. Если присмотреться, на поверку она обернется лирической драмой. И чтобы ее сыграть, нужно быть очень подготовленным.

- Опера Моцарта «Cosi fan tutte» за всю историю имела великое множество названий. Для уфимского спектакля выбрали каноническое.

- У спектакля двойное название «Школа влюбленных, или Так поступают все женщины». В течение оперы будут обнаруживаться рифмы и с одним, и другим названиями. «Школа» будет представлена историей об учениках, студенческой жизнью. При этом герои не только получают образование, они учатся жизни, то есть ученики во всех смыслах. С другой стороны, это история больше о женщине, нежели о мужчине. Это рассказ о том, насколько она многолика, как много у нее имен, как быстро она перевоплощается, как неожиданно происходит превращение. Сами действующие лица меняются от картины к картине, взрослеют. Мир мужчин – мир униформы. Он скучный. Как говорят, у мужчины два костюма в жизни: пиджак и футболка – в другом виде он неинтересен никому. Женщина же уникальна: утром – одна, днем – другая, вечером – третья. Надеюсь, театральными метафорами мы сможем добиться нужного эффекта.

- Как складываются отношения с художником? Вы даете ему свободу или скрупулезно объясняете каждую деталь?

- Я не сторонник того, чтобы режиссер подробно рассказывал художнику, что должно быть на сцене. Раз такой умный – сам бери и рисуй! Или найми рисовальщика и диктуй, где стул, где стол. Это совершенно разные профессии, разное ощущение мира. Первый этап работы над новым спектаклем – обсуждение. Довольно длительный процесс. Мы выясняем, что это будет за мир, в котором видим произведение, тип отношений, понятий, необходимых для общения с публикой. После многочисленных встреч, споров у художника возникает собственное решение. Если оно кардинально не совпадает с моим, снова возвращаемся к фазе обсуждений. Опять же язык нам дан, чтобы не понимать друг друга: одно и тоже слово, сказанное разными людьми, означает разное. Но чаще мне везет на художников, дирижеров, актеров. Редко постигает глубокое разочарование. Так вот, возникает мир художника. И дальше я, режиссер, должен этот реальный мир декораций принять и наполнить. Здесь наступает так называемый этап подробностей. Как новый мир, которого еще вчера не было, заполнить деталями…

- Как вы считаете: опера – это музыка, или опера – это действие. В чем особенности работы с дирижером?

- Здесь спор бессмысленный. Опера – это музыка. Как бы мои коллеги-режиссеры не пытались утвердить иное, но если в опере нет музыки, то это уже не опера, а что-то другое. Если музыка не доминирует, не звучит в лучшем качестве, никакие сценические усилия, ухищрения не имеют смысла. Важно взаимопонимание между режиссером и дирижером: что эта музыка означает. Музыка по своей природе абстрактна, и любой исполнитель может в нее вложить разные, иногда диаметрально противоположные смыслы. Еще на уровне придумывания спектакля важно понять друг друга и уяснить, насколько схоже вы воспринимаете материал. Не бывает двух идентичных людей, абсолютно одинакового восприятия. Но под руководством дирижера, под его дирижерской палочкой возникает какой-то третий мир спектакля (кроме режиссерского и художественного). Восторг и прелесть оперного театра в том и заключается: у спектакля – несколько создателей. Художник создает свой мир, который становится самостоятельным текстом, – художественный мир. Дирижер совместно с композитором создает музыкальный мир, а режиссер, используя идеи художника и музыку композитора в исполнении дирижера, создает третий текст – театральный. И сами исполнители-артисты создают свои миры, потому что каждый из них вносит свою личную и неповторимую историю. К этому может добавляться хореограф, художник по свету, если есть эти отдельные доминирующие составляющие. Хороший оперный спектакль – это сочетание огромного количества очень разных текстов, но именно поэтому хороший оперный спектакль, как алмаз, сверкает всеми гранями. Мне кажется, что с Артёмом Макаровым у нас есть понимание ценности музыки Моцарта, почтение к ней. Ужасно неприятно, когда к музыке относятся, как к чему-то второстепенному. В опере это бессмысленно, потому что гениальнее Моцарта или Чайковского ты не станешь никогда. Так будь хотя бы достойным этих людей!

Конечно, приходится идти на определенные жертвы. Например, мы сократили хронометраж. Со временем изменился стандарт восприятия, стандарт зрительского терпения. Если в XVIII веке считалось нормальным провести в театре три с половиной часа, то сейчас редкая птица долетит до финала. Поэтому с сокращениями придется смириться, но, думаю, это не повлияет на качество спектакля.

непрофессиональные люди»

- Вы говорите, театр не такой, как был в XVIII веке, все меняется… Тогда нужно ли современному зрителю все, что так давно придумано?

- Если зритель ходит на такие спектакли, то, наверное, да. Периодически провозглашается конец театра как такового, конец театра оперного и драматического. Но при этом каждый вечер по всему миру тысячи театральных залов заполняют миллионы людей и смотрят живые спектакли. Значит, этот вид искусства, вид человеческой деятельности дает что-то такое, что ничто другое дать не может. И вопрос не в привычке. Опера – не та привычка, которая привита тысячелетиями или с детства. Это явление возникает, как некая потребность человека. В мире, все более суррогатном, виртуальном и ненастоящем, становится, как воздух, необходимой реальность. Фильмы 3D с нарисованными персонажами и далекими галактиками, запись, вычищенная по ноте, превратившаяся в идеальную, но какую-то ненастоящую мелодию… А здесь – реальные люди, реальное звучание. Да, оно несовершенно, как может быть только несовершенно настоящее. Деревья за окном – они тоже все несовершенны: они не очень прямые, у них разной длины ветви, какие-то листочки молодые, какие-то пожелтели и вот-вот опадут – это жизнь, которую невозможно симулировать, точно так же, как звучание живой музыки, живого оркестра. И самое главное и парадоксальное: театр – это не жизнь, ненастоящее, но ничего более настоящего, чем страдающий или ликующий на сцене актер, нет. Через эту гениальную музыку, гениальный текст, через живых людей с настоящей плотью, настоящим голосом, настоящими глазами мы получаем нечто, что невозможно воспроизвести ни в каких видах человеческой деятельности. Если вспомнить, одним из первых времяпрепровождений первобытного человека был обычай собираться у костра и рассказывать истории. Так появился первый театр и профессия рассказчика. Эти люди так завораживали своим повествованием, что вокруг слушателя все растворялось, и воображение рисовало картины. Человек не может без воображения. Современный мир настойчиво пытается лишить человека этой способности: сейчас мы все тебе расскажем, ты только не напрягайся. Но даже испорченный этим виртуальным миром человек продолжает фантазировать. Он представляет свое будущее, вспоминает прошлое, планирует, дорисовывает: а если бы я сделал так, то как бы было… Это и есть театр – внутренний театр каждого человека. Просто здесь он делается профессионалами и при участии гениев – Моцарта, Бородина и так далее…

- «Cosi fan tutte» вы уже ставили, в Пермском театре она долго и успешно шла. Вам это помогает или мешает?

- Мне никогда не мешает то, что я раньше обращался к произведению. Наоборот. Восторг работы с гениальными произведениями в том, что каждый раз обнаруживаешь нечто новое. Что-то еще увидел, по-новому понял… Тот спектакль я ставил пятнадцать лет назад. С тех пор многое изменилось: время, общество, страна, публика, я сам, театр... Получается новая работа, другое произведение – по заряду, проблематике, эстетике.

- Кто из персонажей вам ближе? Есть ли герой, через которого вы будете говорить с публикой?

- Дело в том что, это очень человеческая опера, и каждый из персонажей – огромный мир. В каждом эпизоде он новый: в какой-то момент – смешной, порой может раздражать или злить, вызывает симпатию, нежность, сочувствие… Но именно во взаимодействии все проявляется. Эта опера ансамблевая. Практически нет эпизода, чтобы не был кто-то с кем-то связан, что-то не выяснял, не обсуждал. Поэтому на всех репетициях присутствует весь состав. Поостерегусь кого-то выделять. Надеюсь, все артисты, которые вовлечены в спектакль поймут, что здесь не тот случай, когда можно тянуть одеяло на себя. Не просто вышел, спел свою арию, сорвал аплодисменты – и все. Музыка, текст – это живая ткань, которую мы постигаем, воссоздаем по миллиметру и доносим до зрителя. И для самих артистов это увлекательное путешествие.

- Вы непосредственно работаете с каждым артистом, исходя из его особенностей…

- Конечно. Это то, с чем тяжело смириться режиссерам из драмы, где практически всегда один состав, и режиссер, придумывая драматический спектакль, создавая типаж, подбирает соответствующего актера. А в оперном театре каждый исполнитель поворачивает роль по-своему. Нужно к каждому внимательно присматриваться, не пытаться надевать на него пиджак с чужого плеча.

- Вы не воюете с артистами?

- Я вообще ни с кем не воюю, кроме как с собой. Воевать с гениями уровня Моцарта бессмысленно – ты проиграешь. Воевать с музыкой – смысла нет, с артистами – неправильно и некрасиво. В итоге артист выходит один на один с публикой. И вся работа режиссера сводится к тому, чтобы помочь ему в этом выходе, максимально вооружить, защитить. Профессия артиста по затратности энергии, нервов ни с чем не сравнима. Когда ты на острие, тысячный зал смотрит на тебя как под микроскопом и фиксирует каждую ошибку, ты должен быть на сто процентов убедителен. На репетиции экспериментируй сколько угодно. Но если я понимаю, что выбранные мною поза, действие затрудняют контроль артиста над происходящим, то все меняю. Беда многих режиссеров в том, что они не пытаются даже поставить себя на место артистов и представить, что те могут испытывать.

- Юрий Темирканов в одном из интервью сказал, что «оперу убивают режиссеры». Как вам такой выпад?

- Это не очень справедливо, потому что можно долго перечислять тех, кто убивает оперу. Оперу убивают неталантливые, непрофессиональные люди. Один из лучших оперных спектаклей, который я видел в своей жизни, это было концертное исполнение «Иоланты» как раз с Юрием Темиркановым. Не было вообще никакого театра, но это было сделано фантастически тонко с точки зрения музыки, получился настоящий театр воображения. Сидишь с закрытыми глазами, и только за счет того, как тонко оркестр играет, как сделана каждая нота с каждым певцом, перед тобой возникают замки, рыцари… При этом я слышал сотни бездарных дирижерских исполнений. Поэтому вопрос не в профессии. Точно так же я видел гениальные, космического воздействия режиссерские спектакли и совершенно ничтожные и никому не нужные. Прием осовременивания – всего лишь один из сотен. Другое дело, что им стали злоупотреблять. Люди не очень талантливые сочли: достаточно любую оперу переодеть в современные костюмы, и она станет современной. Ничего подобного. Переодевание само по себе – технический прием. Если переодеваются персонажи, значит, меняются и их взаимоотношения. Дальше начинается проблема: музыка остается той же самой, текст не меняется. Вот черед проявить степень таланта, меру вкуса, профессионализм. Беда оперы в том, что в нее стали приходить люди, не понимающие, что такое музыка, музыкальная драматургия, как придумать спектакль, как поставить его с артистами. Ты должен быть и музыкантом, и режиссером, и педагогом, и психотерапевтом, должен уметь и хорошо придумывать, и реализовывать, доносить свою мысль до каждого из сотен участников. Сам прием осовременивания, я это своим студентам-режиссерам все время говорю, ни хорош, ни плох. Мало того, нам только кажется, что его придумали сейчас. Еще во времена Генделя ставился спектакль на мифологический сюжет, и артисты генделевского оперного театра выходили в костюмах барочных, а не древнегреческих. Они брали мифы, но одевали героев в костюмы современные. Для Генделя было важно, чтобы публика узнавала себя по функциям героев, могла себя отождествлять с ними, а не отстраняться. Я понимаю, что «Так поступают все», одетая в кринолины ставит непреодолимый барьер между публикой и сценой. Какое нам дело до страданий этих людей в кринолинах? Но, сделав первый шаг, нужно делать все остальные. Если ты делаешь историю про современных людей, то и проблемы должны быть современными, они не могут оставаться такими, как были в восемнадцатом веке в тексте да Понте.

- В спектакле занято много молодых певцов, есть недавние выпускники академии, стажеры. Возникают какие-нибудь трудности?

- Я не ощущаю сложностей в этом. В уфимском театре нет непреодолимых барьеров, отделяющих стажеров и ведущих солистов. Мне кажется, важна общая атмосфера дружелюбия и сотворчества. Молодые становятся частью общего дела, одновременно учатся у более опытных коллег. Опера Моцарта требует с одной стороны игристости шампанского, легкости, свойственной молодости, но при этом ставит перед артистом такое количество сложнейших технологических задач, что представить, будто совладать с таким материалом сможет кто-то со студенческой скамьи, достаточно сложно. Нужно в разумных пропорциях сочетать опыт, физическую форму. У нас два, в некоторых ролях даже три состава, так что должно все получится. И спектакли будут разные. В зависимости от того, кто играет. Каждый артист – индивидуальность: особый темперамент, иное проявление чувств... Вроде бы играют один текст, ситуации, а в сочетании получаются разные истории. Уверен, каждая работа будет интересной и даже неожиданной для зрителя.

Беседовала Валентина АЙШПОР.

На снимках: эпизоды репетиций оперы «Так поступают все женщины». Фото автора.

Штрихи к известному портрету

В РЕЖИМЕ Н

Разрешите Вами восхищаться!» – хочется воскликнуть вслед за героем Михаила Кононова из культового советского фильма «Большая перемена» каждый раз, когда встречаешься с Эльвирой Гайфуллиной. Мы знакомы почти двадцать лет, и я продолжаю удивляться, сколько в ней профессионального потенциала, неиссякаемой энергии, душевного тепла.

Эльвира Хайретдиновна – настоящий perpetuum mobile. Сделанного ею хватило бы на десятерых. Больше тридцати лет она преподает на кафедре хорового дирижирования Уфимской академии искусств. Число учеников исчисляется десятками, питомцы профессора Гайфуллиной разлетелись по всей необъятной России. И они во всем стараются соответствовать «высшей пробе» учителя, на всю жизнь сохранившего в сердце уроки легендарных Михаила Фоменкова и Владимира Минина. Имя Гайфуллиной известно далеко за пределами республики, она желанный гость в жюри фестивалей, конкурсов, смотров, многие музыкальные учебные заведения считают большой удачей, когда она дает в их стенах мастер-классы.

Ее роман с оперой насчитывает почти три десятилетия: с 1984 года Эльвира Гайфуллина – бессменный главный хормейстер театра оперы и балета. Свое любимое детище – хор – она выпестовала и подняла на такую профессиональную ступень, что этот коллектив единомышленников делает погоду в любом оперном спектакле, легко может дать не один в сезоне потрясающий концерт, бенефис, в активе около ста опер зарубежной, отечественной, национальной классики. «Таким хором, как у вас, мог бы гордиться не только любой региональный, но и столичный театр!» – эти слова из уст известного российского хормейстера и музыковеда Петра Меркурьева дорогого стоят.

За последние годы к знакомому образу мастера добавились новые штрихи.

Штрих первый: экзотический, или Рондо alla turca

1999 год. В июне БГТО и Б участвовал в VI Международном фестивале оперного искусства «Aspendos» (Анталия). Впервые за многие годы театр вывез оперу за границу – «Риголетто» Дж. Верди. Спектакль прошел с грандиозным успехом. Генерального директора корпорации оперных театров Турции Хуссейна Акбулута покорили сразу две уфимские Эльвиры – Фатыхова и Гайфуллина, и он предложил сотрудничество талантливым россиянкам. Гайфуллина – человек рисковый, любит новизну во всем. Соблазнительно попробовать свои силы в зарубежном театре, с незнакомыми артистами, постановщиками. Но так сложилось, что «мадам Эльвира» приехала в Анкару только через несколько лет.

2003 год. Четыре месяца продлилась работа в Турции, и сейчас, конечно же, помнится только хорошее. А тогда многое удивляло. В большом хоре – 120 человек! – пели не только профессионалы, но и юристы, менеджеры, учителя. Был даже бывший сотрудник посольства в Москве. Репетиции проходили всего четыре раза в неделю, постоянные перерывы («Пора на чайную церемонию!»). В репертуаре спектаклей крайне мало. На момент приезда – национальная опера «Уши Мидаса» Феррита Тюзюна, «Аршин мал алан» У. Гаджибекова и «Травиата», в которой поет наша Эльвира Фатыхова.

У нее, привыкшей к иному ритму жизни, этот уклад вызывал недоумение. Поначалу Эльвира Хайретдиновна взяла на себя роль стороннего наблюдателя – присутствовала на репетициях, спектаклях, замечала явные недоработки. В общем, поняла, что придется крепко взяться за хор Анкарской Оперы. Общались на гремучей смеси английского, турецкого и итальянского языков. На репетициях артисты не отличались особым усердием, опаздывали, корифеи пытались «направлять». Но после нескольких встреч все встало на свои места – турецкие музыканты поняли, что перед ними мастер своего дела, и у них вместе многое получится. «Браво, мадам!» – раздавалось почти на каждой спевке. «Какие прекрасные от природы голоса! – делится хормейстер. – Жаль, что не хватает вокальной культуры, художественного осмысления, глубины».

Во время «турецкой командировки» Гайфуллина приняла участие в нескольких постановках: «Сельская честь» Пьетро Масканьи, «Веселая вдова» Франца Легара, а к 65-летию со дня смерти руководителя национально-освободительного движения Мустафы Кемаля подготовила с хором сложную по музыкальному языку ораторию «Ататюрк» местного композитора Невита Кодалли.

2009 год. Летом Международная организация ТЮРКСОЙ пригласила наш театр принять участие в уникальном проекте – постановке оперы У. Гаджибекова «Кёроглы». Кроме башкирских артистов, были задействованы творческие силы Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Татарстана. В уфимский десант вошли солисты оперы Альбина Габидуллина и Раиль Кучуков, главный хормейстер Эльвира Гайфуллина и шесть артистов хора. Спектакль с большим общественным резонансом прошел в Бишкеке, Алматы, Анкаре, Баку. Хормейстер-постановщик «Кёроглы» Эльнора Керимова постоянно твердила: «Берите пример с башкир! Посмотрите, как они подготовлены!». «Ваши певцы были бесспорными лидерами во всех массовых сценах оперы, – отмечала она при личном общении с Эльвирой Хайретдиновной. – Я в восхищении от их и вокальных, и артистических способностей. Большое вам спасибо как руководителю этого высокопрофессионального коллектива!».

Штрих второй: фольклорный, или Возвращение к истокам

В 2007 году широко известный в республике и за ее пределами ансамбль танца, организованный по инициативе Администрации города Уфы плавно влилась вокально-хоровая группа. Коллектив получил название «Мирас», что в переводе на русский язык значит «наследие». Эльвира Гайфуллина, по приглашению тогдашнего главы Управления культуры городской администрации Исламетдина Мамбетова, не без колебаний заняла место главного хормейстера. Верными соратниками в этом новом и потому интересном деле ей стали бывшая ученица, а теперь и единомышленница Нафиря Иксанова и хормейстер Виктор Буланкин. Сразу сложились теплые, доверительные отношения с худруком Валерием Степановым.

Работа с фольклорным коллективом требует иного отношения к звуку, нежели в опере, владения спецификой народного пения, освоения в краткие сроки большого репертуара. Она вернулась к истокам – башкирским и татарским мелодиям, вспомнила родной Янаул, пение земляков, музицирование родителей. «Мирас» требовал немалых сил, но потом словно открылось второе дыхание. Пошла серьезная работа. «Здесь каждый на виду, каждый – солист, за спину соседа по сцене не спрячешься, – рассказывает хормейстер. – Многие вещи исполняются без музыкального сопровождения, фальшь и шероховатости недопустимы. Певцы должны быть гибкими и

Сто искусств не стоят совершенства в одном искусстве.
Китайская пословица

ОН-СТОП

пластичными, ведь они поют в движении, в танце».

Сегодня в репертуаре – десятки оригинальных хоровых аранжировок, большинство из которых сделано Н. Иксановой и В. Буланкиным. Целый ряд вокально-хореографических композиций, например «Звоны», производят потрясающее впечатление на публику. Много поездок по республике, Поволжью. Очень тепло принимают коллектив и за границей – музыканты с большим успехом выступали в Испании, Италии, Франции и других странах, ежегодно выезжают на грандиозный Сабантуй в Турцию.

Штрих третий: академический, или Уфа – Екатеринбург – Уфа

Когда в сентябре 2006 года Андрей Шишкин, экс-директор Уфимской Оперы и вновь назначенный руководитель Екатеринбургского театра оперы и балета, предложил занять должность главного хормейстера, Эльвира Гайфуллина со свойственным ей здоровым авантюризмом выпалила: «Да, согласна!». А потом, поразмыслив, поостыла. «Екатеринбург – город с мощными традициями хорового исполнительства. Там сильная консерватория, крепкий во всех отношениях театр. Долгое время хором руководила супруга известного дирижера Евгения Бражника – Вера Семеновна Давыдова, – делится Эльвира Хайретдиновна. – Хватит ли моих знаний, опыта? Ужасно волновалась накануне первой встречи с новым для меня коллективом». Но хор, где практически все с консерваторским образованием, а многие и с аспирантурой, спустя некоторое время принял нового руководителя. И не удивительно: мастерство, творческое горение, активная жизненная позиция – это ключи не только к профессиональному успеху, но и к коллегиальным и человеческим отношениям.

Вот уже шесть лет основной маршрут для Эльвиры Хайретдиновны – это трасса Уфа-Екатеринбург-Уфа. Как Фигаро, она успевает все и везде. Сейчас в Уфе полным ходом идет работа над премьерой моцартовской «Так поступают все женщины», а в Екатеринбурге готовят к выпуску «Бориса Годунова» М. Мусоргского к 100-летию театра и уже ждут не дождутся приезда главного хормейстера. А в режиссеры удалось заполучить знаменитого Бориса Тителя (между прочим, бывшего главного режиссера Свердловского театра). Кстати, один главный хормейстер – на два крупнейших региональных театра – это, пожалуй, уникальный случай в современном музыкальном пространстве.

«Борис Годунов» – десятая ее постановка в столице Урала. Дебютировала «Снегурочкой», в постановочной команде которой были хорошо знакомые по работе в Уфе московский дирижер Михаил Грановский и художник из Германии Игорь Иванов. Незабываемо для нее общение с режиссером из Мариинки Алексеем Степанюком. В его интерпретации в Екатеринбурга идут «Травиата», «Пиковая дама», «Руслан и Людмила». «Все эти талантливые постановки – настоящие зрелища, – делится впечатлениями хормейстер. – В работе режиссер не дает спуску никому. Каждый артист хора, не говоря уже о солистах, у него осмысленно живет на сцене».

«Тоска» подарила встречу с Иркином Габитовым, а «Любовь к трем апельсинам» – с давно знакомым по Уфе Уве Шварцем. Прокофьевская опера принесла Эльвире Гайфуллиной лауреатство в екатеринбургском фестивале «Браво!» – номинация «За работу хорового ансамбля». Кстати, на нынешней «Золотой маске» в Москве наш Ильгам Валиев принес Екатеринбургскому театру первую за всю его историю награду этого престижного театрального форума: ему вручили специальный приз за исполнение партии Принца в «Апельсинах». Запомнилась и работа над «Князем Игорем», в котором постановщики – москвичи Александр Лазарев и Юрий Лаптев – многое переосмыслили, и главным действующим лицом бородинского шедевра становится Ярославна. Этот спектакль был с успехом представлен летом на турецком фестивале «Аспендос». Особо отметили работу хора, оркестра и всё того же Ильгама Валиева в партии Владимира Игоревича. Под занавес 100-го сезона Екатеринбургская Опера преподнесла сюрприз ценителям музыкальных раритетов: впервые в России была поставлена опера Россини «Граф Ори».

Эльвира Хайретдиновна признается, что екатеринбургский театр стал дорог, она успела полюбить его хор, где каждый, как и в ее родном, уфимском, неповторимая творческая личность.

Марина ЛУГОВАЯ.

Ритм жизни в режиме non-stop, не мешает… Профессор Гайфуллина успевает много читать. Это и новинки музыковедческой литературы, и классика. Сейчас настольная книга – Маркес. Почитаема и философская литература, в том числе Марсель Пруст. Как удержаться от искушения задать нашей героине несколько вопросов из знаменитого опросника французского мыслителя!

Какие добродетели Вы цените больше всего?
- Честность, ответственность, совестливость, преданность.

Ваше любимое занятие?
- Я всеядна. Главное – чувствовать вкус жизни.

Ваша идея о счастье?
- Спокойствие в душе, здоровье и благополучие близких.

Ваша идея о несчастье?
- Когда нет удовлетворения от работы.

К каким порокам Вы чувствуете наибольшее снисхождение?
- Слабость духа.

Ваша самая характерная черта?
- Сочувствие.

Что является Вашим главным недостатком?
- Взрывной характер.

Ваш девиз?
- Помоги ближнему.

На снимках вверху:
С Н. Иксановой и артистами ансамбля «Мирас» в Испании.
Турция. С коллегами Анкарской Оперы. В центре – композитор Невит Кодалли.

Незабываемые имена

ЭПОХА БЛАГОРОД

29 августа Шамилю Терегулову исполнилось бы всего 65 лет, а его уже четыре года нет с нами. Сказать: «Как его не хватает!» – значит, ничего не сказать. Шамиль Ахмедович был необыкновенным человеком, многогранной творческой личностью – ярким танцовщиком, талантливым педагогом, самобытным хореографом, театральным деятелем. С его уходом чувствует себя осиротевшей не только балетная труппа, но весь театр и вся культура Башкортостана, потому что неоценим вклад Терегулова в башкирское искусство. Не то что страницы, а целые главы вписаны в его историю этим Художником в самом высоком смысле слова. Больше всего на свете Шамиль боялся, что наступит момент, когда он не сможет придумать, сказать, показать, дать ничего нового. Но этого не случилось, потому что он по сути своей Творец, таким оставался до конца. Душа его – в нестареющих и востребованных зрителем постановках, в сердцах друзей, коллег, учеников. Он не просто улыбается им с портрета в Большом балетном зале, носящем его имя, а словно говорит: «Ребята, я с вами!»…

Творчество Шамиля Терегулова не трогало бы так сердца и души зрителей, если бы не озарялось его личным обаянием, потрясающей добротой, деликатностью, тонким юмором. Его знали и любили повсюду. Имя «Шамиль Терегулов» было своеобразным паролем, открывающим ворота в мир ТВОРЧЕСТВА, ДРУЖБЫ и ДОБРОТЫ. И даже теперь, когда Шамиля Ахмедовича нет с нами, его имя продолжает притягивать и пробуждать в людях самые благородные чувства и помыслы.

В книге «Гран-па башкирского балета» я назвала главу о Шамиле «Эпоха Терегулова». Первые рецензенты высказали сомнение: «Не слишком ли?». Я начинала приводить аргументы – все соглашались: «А ведь правда…». Как хорошо, что я настояла, не сдалась, и термин «эпоха Терегулова» прижился после выхода книги, вошел в обиход, И вообще как здорово, когда человеку воздают должное по заслугам при жизни. Я много писала о Терегулове – его ролях, постановках, учениках, поездках, планах, мечтах… И сейчас мне становится страшно: смогу ли сказать что-то новое… Но теперь, кажется, тот случай, когда не грех еще раз вспомнить, напомнить и пусть даже что-то повторить.

Заслуженный артист России, народный артист Башкортостана Шамиль Терегулов – это, без всякого преувеличения, личность, определявшая жизнь башкирского балета, на протяжении почти двух десятилетий, когда он руководил труппой. А если добавить сюда годы яркой, самобытной танцевальной карьеры, то получается почти полвека.

После окончания Пермского хореографического училища (класс заслуженного деятеля России Юлия Плахта) Терегулов 23 года танцевал в Башкирском государственном театре оперы и балета. Кстати, первые балетные шаги он сделал в театральной студии, где преподавали Халяф Сафиуллин, Фаузи Саттаров. Было у кого учиться!

Ценители балетного искусства больше запомнили Шамиля Терегулова как яркого характерного танцовщика, хотя он исполнял и лирические партии. Например, принцев в балетах Чайковского, в «Золушке» С. Прокофьева. Но его коварный, сумрачный Дервиш в спектакле «В ночь лунного затмения», зажигательный Эспада в «Дон Кихоте», злой леший Шурале, властный Нурали в «Бахчисарайском фонтане» особенно западали в душу. Терегулов был из тех танцовщиков, на которых держится репертуар.

Точка отсчета

И вот с таким ценным профессиональным опытом он приходит к художественному руководству труппой. С именем Шамиля Терегулова связан взлет престижа башкирского балета не только в республике, но и на российской, и международной сценах. Только за последнее десятилетие труппа гастролировала в Италии, Египте, Португалии, Тайланде, Мексике, Бразилии, Финляндии, Германии, Чехии, Латвии.

Вспоминая начало 90-х годов, анализируя и подытоживая сделанное, можно понять, какой сложный путь пройден.

В 1990 году в труппе по списку было всего 35 человек. Положение – катастрофическое. Люди уходили в новые театральные коллективы, а их рождалось множество в столичных городах. Принимали, не спрашивая о прописке.

Помогло то, что в Уфе открылось хореографическое училище. Терегулов преподавал там с самого начала. Приходилось учиться вместе с учениками, хотя педагогический опыт был: репетиторство в театре, в ансамбле народного танца… Да еще студентом пермского училища Шамиль преподавал в балетной студии Закамска. Вставал чуть свет, ехал на электричке, потом шагал пешком в стужу и дождь. Но ему это безумно нравилось, приносило чувство удовлетворенности и осмысленности бытия. С открытием хореографического училища в Уфе и острой необходимостью преподавателей этот интерес всколыхнулся. Леонора Куватова, жена, коллега, единомышленница Шамиля Ахмедовича, рассказывает, что по всей их квартире были разложены книги о методике преподавания классического танца, об особенностях психологии подростков с многочисленными закладками и постоянно открытые на важных страницах.

Первый выпуск – в 1993 году. Ждать некогда. И Терегулов пошел на смелый эксперимент – привел в театр учеников, 15-16-летних мальчиков и девочек. Стали ездить на конкурсы, побеждать, завоевывать авторитет. В Баку на Всесоюзном конкурсе впервые позвучало имя талантливого Романа Рыкина. Потом вошло в систему – ежегодно брать на работу в театр пятый класс, первый курс училища. Постепенно труппа выросла до 90 человек.

Шамиль Терегулов хорошо понимал, что нужно, в первую очередь, сформировать репертуар. С приглашенными постановщиками возобновляет «Сильфиду» Х. Левенсхольда, сам восстанавливает «Вальпургиеву ночь», «Пахиту», «Кармен-сюиту», «Шопениану». И колоссальная, этапная работа – возобновление в 1997 году жемчужины башкирской хореографии – балета «Журавлиная песнь». В этой редакции спектакль идет по сей день.

Цель творчества – самоотдача

90-е годы, кроме всего, озарились светом сотрудничества с гениальным хореографом современности Юрием Григоровичем, рождением нуреевских фестивалей, художественным руководителем которых Шамиль Терегулов был до последнего своего земного года. Он не скрывал, что для него образец творчества – Юрий Николаевич. Ему близок был девиз Мастера: «Цель творчества – самоотдача». С благодарностью говорил о том, как много получил от совместной работы с ним.

- И, наверное, мой спектакль «Журавлиная песнь» получился, – признавался Шамиль Ахмедович, – благодаря влиянию Григоровича. Когда он работал у нас, я постоянно находился рядом. Он – великий режиссер балета. В общении с ним начинаешь постигать ход его размышлений, понимать, что и как нужно делать в балете. Приятно, что и Юрий Николаевич ценил творческую устремленность и профессиональную подготовку нашей труппы…

А еще, помимо совместного творчества, их связывала, теплая, светлая дружба, что не тускнеет с годами и расставаниями.

Вдохновленный сотрудничеством с Юрием Григоровичем Шамиль Терегулов работает как балетмейстер насыщенно, плодотворно. После восстановления «Шопенианы» (1999) увлекся балетом для детей «Буратино» на музыку Наримана Сабитова. Сам пишет либретто, сочиняет оригинальную хореографию, привлекает к сотрудничеству московского художника Леонида Подосенова (декорации) и молодую художницу театра Фанию Низамову (костюмы). Премьера спектакля под названием «Тайна золотого ключика» состоялась в конце сезона в июне 2000 года. Яркий, праздничный, динамичный, с остроумными хореографическими и сценографическими находками, он полюбился юным зрителям, на него ходят семьями.

В 2001 году, бережно сохранив хореографию Мариуса Петипа, Терегулов представляет свою версию «Спящей красавицы». Премьера состоялась в рамках Седьмого нуреевского фестиваля. Аврору танцевала Карин Аверти из Гранд-опера, Дезире – солист Большого театра России Илья Рыжаков. Во втором спектакле главные партии исполнили тогда совсем юные Гульсина Мавлюкасова и Ринат Абушахманов.

С постановкой «Спящей красавицы» театр получил уникальное преимущество перед другими российскими театрами: в его репертуаре теперь все балеты Чайковского.

В новый век башкирская труппа вступила, не изменяя приверженности классике. Афишу украшают испытанные време-

НОГО РЫЦАРЯ

нем шедевры мировой хореографии, поставленные также Шамилем Терегуловым: «Жизель» Адольфа Адана (2002), «Голубой Дунай» Иоганна Штрауса (2003), «Баядерка» Людвига Минкуса (2003), «Ромео и Джульетта» Сергея Прокофьева (2004). Первые три спектакля сделаны в содружестве с дирижером Алексеем Людмилиным, музыкальный руководитель «Ромео и Джульетты» – Роберт Лютер. Стало традицией, что постановки Терегулова оформлял московский художник Дмитрий Чербаджи, в котором балетмейстер нашел верного и тонко понимающего соавтора-единомышленника.

В 2004 году, через сорок лет после первой постановки, вернулся на башкирскую сцену балет Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта». Это результат творческих радостей, мук, поиска Шамиля Терегулова. Очень смелый творческий поступок – попытаться создать свое после великих балетмейстеров, среди которых Лавровский, Григорович, Макмиллан… Терегулов поставил себе целью передать в танце накал шекспировских страстей, показать силу любви молодых людей, которые своей гибелью, как бы парадоксально это ни звучало, возвысились над смертью и победили ее.

Художественный руководитель балетной труппы Башкирского театра оперы и балета неоднократно получал приглашения поработать за рубежом. В его творческой биографии немало периодов, когда ему приходилось на время оставлять родной театр и ехать в разные уголки планеты. Шамиль Ахмедович был востребован в России, странах СНГ, в дальнем зарубежье как балетмейстер. Например, в Мерсинском театре в Турции поставил оригинальный двухактный балет «Королева Аба» на музыку азербайджанского композитора, живущего в Турции, Ферхарда Хусейнова. Состоялась мировая премьера, билетов было не достать, полный успех у публики и специалистов. Чуть позже турецкие зрители увидели в постановке Терегулова «Вальпургиеву ночь» на музыку Шарля Гуно и «Голубой Дунай» Иоганна Штрауса. Он проводил мастер-классы на конкурсе в городе Джексоне (США), на международном конкурсе «Арабеск-2000» (Пермь)…

Он преподавал и в Японии, работал главным балетмейстером в Турции, ставил балеты в Казахстане, Бурятии… Летом 2008 года интересное приглашение ему сделала Международная Ассоциация профессионального танца, активные деятели которой – испанские танцовщики Лаура Ормигон и Оскар Торрадо, давние друзья театра, многократные участники Нуреевских фестивалей. Почти две недели, с 18 по 30 августа, уфимский балетмейстер преподавал классический танец в мадридском Центре профессионального танца. А уже в сентябре Терегулов с труппой отправился в Таиланд, чтобы принять участие в юбилейном X Международном музыкальном фестивале в Бангкоке. Именно там состоялась премьера нового балета «Раймонда».

Шамиль любил вспоминать о первой своей зарубежной командировке в 1993 году – в Японию, где работал с Леонорой Куватовой. Он считал, что именно там выдержал экзамен как балетмейстер. Произошел казус из-за неточности перевода контракта. Подписывая его, Терегулов был убежден: ему предстоит поставить один акт балета «Раймонда», а на месте выяснилось, что нужно сделать «полнометражный» спектакль. В экстремальных условиях, без всяких энциклопедий и пособий, только за счет своего опыта, ума, творческой фантазии, да разве что еще из желания доказать, не сесть в лужу, он блестяще справился с задачей.

Лебединая песня

Последняя работа балетмейстера – «Бахчисарайский фонтан» Бориса Асафьева. Не про каждый балетный спектакль скажешь: «Смотрится на одном дыхании». Шамиль Терегулов сделал «Бахчисарайский фонтан» динамичным, лаконичным. Взяв от типичного творения так называемого драмбалета только достоинства (например, выразительность драматической игры исполнителей), он создал собственную хореографию с богатой танцевальной лексикой, сведя к минимуму пантомимные и жестовые мизансцены. Источником вдохновения балетмейстер называл поэзию Александра Пушкина и музыку Бориса Асафьева. Первый, польский акт пленяет разнообразием и выразительностью танцев: торжественный полонез, жизнерадостный краковяк, изящная мазурка… Во втором акте грациозны танцы невольниц гарема, зажигательны массовые мужские танцы, особенно татарский, который исполняют воины Гирея после казни Заремы, стараясь развеселить своего правителя. Шамиль, сам блистательно танцевавший когда-то военачальника Нурали, выписал эту партию с особым вдохновением, наполнив ее сложными прыжками, стремительными пробежками и вращениями. Основную философскую идею — перерождение «дикой души» (выражение В.Белинского) под воздействием очищающей любви — несет образ хана Гирея. Выразительность всех сцен усиливают великолепные декорации и костюмы, придуманные Д. Чербаджи. Шамиль особенно гордился финалом, который они придумали вместе с дирижером Робертом Лютером. К фонтану Бахчисарайского дворца приходит Гирей. Теперь он не тот беспощадный завоеватель, которого мы видим в первых эпизодах. Он уже бросил в пропасть свой кинжал в знак прекращения войн и убийств. Перед нами мечтательный поэт, романтик. Ему являются видения любимых женщин — Заремы с красной розой и Марии с белой… Они танцуют под хоровой вокализ и звуки прелестного романса Александра Власова на стихи Александра Сергеевича Пушкина «Фонтану Бахчисарайского дворца» (по очереди его исполняют ведущие сопрано оперной труппы):

Фонтан любви, фонтан живой…
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль…

Именно этот спектакль был выбран для юбилейного вечера, когда коллектив театра, интеллигенция города торжественно отметили 60-летие со дня рождения и 40-летие творческой деятельности Шамиля Терегулова. Артисты танцевали в честь своего Наставника. Гузель Сулейманова (Мария), Ильдар Маняпов (Вацлав), Гульсина Мавлюкасова (Зарема), Ринат Абушахманов (Гирей), Дмитрий Марасанов (Нурали), другие солисты, кордебалет, своим вдохновением, мастерством, артистизмом покорили и публику, и своего строгого, скупого на похвалы художественного руководителя. Выразительно звучал оркестр под управлением Роберта Лютера. Все поняли, что такие чувства, как любовь, ревность, верность никогда не устареют, вечно будут волновать сердца…

Во время юбилейного торжества, как и последние три с лишним десятилетия, рядом с Шамилем Терегуловым была его муза, жена, любимая партнерша, надежный тыл – народная артистка России и Башкортостана Леонора Куватова. Выпускница ленинградской школы, она продолжила традиции Зайтуны Насретдиновой, Гузели Сулеймановой, Майи Тагировой. Работала педагогом и художественным руководителем в хореографическом училище, репетитором в театре. Потом состоялось ее второе пришествие на должность худрука училища, которое теперь стало называться Башкирским хореографическим колледжем имени Рудольфа Нуреева. Среди ее учениц – балерина с мировым именем, прима Дрезденской Земпер-оперы Наталья Сологуб, нынешние звезды башкирского балета Гульсина Мавлюкасова, Римма Закирова. Не случайно среди юбилейных поздравлений прозвучало и такое:

Эпоха Терегулова пришла,
И новое дыханье обрела
Душа башкирского балета.
И с верной музой Терпсихорой –
Нет-нет, простите, ЛЕОНОРОЙ –
Творят они великие дела!

И, конечно, не случайно после смерти мужа Леонора Сафыевна взяла на себя, не оставляя колледжа, еще и художественное руководство балетной труппой театра.

Балеты, поставленные Терегуловым, прошли испытание временем, пережили и преодолели нападки критиков, а самый главный экзамен выдержали перед многочисленной зрительской аудиторией. Попробуйте с ходу попасть на «Ромео и Джульетту»! Ничего не получится. Касса атакуется сразу, как только спектакль обозначится в афише. Зал всегда полон, а среди зрителей и пенсионеры, и театралы среднего возраста, и, что особенно отрадно, очень много юных зрителей – ровесников героев балета. Шамиль чувствовал, что людям нужно в наш век! Большим успехом пользуется и «Голубой Дунай». В нынешнем году так складывались обстоятельства, что этот балет каждый раз выпадал из месячного репертуара и появился в афише лишь под занавес сезона – в июне. Зрители мгновенно раскупили билеты со словами: «Мы целый год ждали этот спектакль!».

Журнал «Балет» присудил Шамилю Терегулову (в год его 60-летия) приз «Душа танца» в номинации «Рыцарь балета». Это так подходит ему! Потому что его личность, творчество, отношение к жизни, людям насквозь пронизаны духом благородного рыцарства.

Нина ЖИЛЕНКО.
На снимках из архива театра:

Встреча для вас

Кольца жизни

Три поколения семьи Мустаевых объединила любовь к театру

Глава театральной династии Мустаевых – легенда башкирского танца, заслуженный деятель искусств Башкортостана, лауреат премии имени Мажита Гафури, хореограф Хашим Фатыхович Мустаев свой 94-й день рождения встретил в отличной форме.

Далекое – близкое

Недавно он закончил работу над 700-страничным фолиантом «Далекое – близкое». Это книга воспоминаний с сотнями фотографий – личных, семейных и театральных. Разграничить одно с другим сложно. Театр, казалось бы, тоже личное, но биография Хашима Мустаева тесно связана с такими именами, как Файзи Гаскаров, Рудольф Нуреев, Юрий Григорович, Махмуд Эсамбаев, а значит, уже стала частью истории танца.

– Файзи для меня был кумиром. Мы познакомились, когда ему был 21 год, а мне 15, – рассказывает Хашим Фатыхович. – Его мечтой всегда был танец. Сам он прошел обучение в Москве, где впитал балетную культуру, которой в Уфе тогда не было и в помине. Чтобы она появилась, он отправился в Москву, к Надежде Константиновне Крупской и добился организации в Ленинграде учебы для талантливых детей из Башкирии. В первой группе оказались Зоя (Зайтуна) Насретдинова, Халяф Сафиуллин, Фаузи Саттаров – первые профессиональные артисты балета нашей республики.

Хашим Мустаев в ту группу не попал, учился в ленинградском хореографическом чуть позже.

Файзи Адгамович создал и много лет руководил ансамблем народного танца, который потом получил и звание академического, и имя своего основателя. А вот его собственная судьба сложилась трагически. Файзи Гаскарова уволили, и свои последние дни он встретил в полном одиночестве. После увольнения Гаскарова возглавить ансамбль предложили его ученику - Хашиму Мустаеву, который к тому времени отработал в Кировском (ныне Мариинском) театре оперы и балета в Ленинграде более двадцати лет.

– Я переехал в Уфу и взялся за дело. Гаскаров ревниво относился ко всему, что было связано с его ансамблем, но однажды признал: Мустаев «ничего не испортил», – вспоминает Хашим Фатыхович. – Вообще-то я не только сохранил все гаскаровские танцы, но за три с половиной года поставил еще десять новых.

У них было еще одно общее дело. Файзи Гаскаров написал либретто первого башкирского балета «Журавлиная песнь», который не сходит с афиши Башкирского государственного театра оперы и балета уже седьмое десятилетие. В 1943 году для его постановки танцовщиков даже отозвали с фронта. Первыми исполнителями на премьере были Зайтуна Насретдинова, Халяф Сафиуллин, Хашим Мустаев, Нинель Юлтыева.

– Народ валом валил в театр. Уфимские зрители как чудо восприняли первый национальный балет. Это было огромным событием, ведь еще война не закончилась, – рассказывает танцовщик.

Спектакль оказался историческим и в другом плане. Танцующие журавли определили выбор профессии одного из юных зрителей – Рудольфа Нуреева, будущей звезды мирового балета.

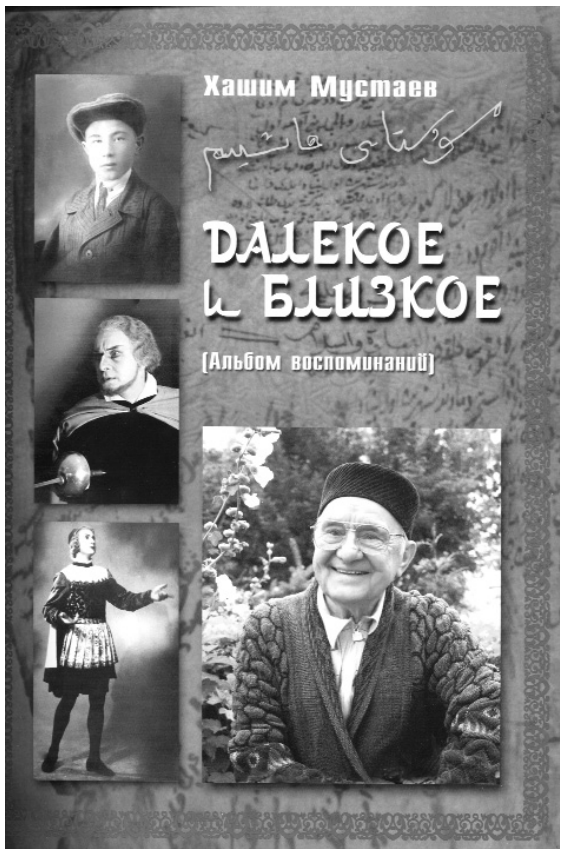
Творчество вне возраста

Дороги Хашима Мустаева, которого в Ленинграде называли Мишей (если имя читать наоборот, то будет «Мишах»), и Рудольфа Нуреева, или Рудика, пересекались часто.

После окончания ленинградского хореографического училища Нуреев поехал на конкурс в Москву. И выступил там столь блестяще, что получил приглашение сразу в два ведущих театра – Большой в Москве и Кировский в Ленинграде. Он выбрал Кировский, где уже работал Мустаев.

– Рудольф был очень талантлив. Его заметила прима Кировского театра Наталья Дудинская, которая предложила танцевать с ней в «Лауренсии». Какой тогда поднялся в театре ажиотаж: народная артистка СССР танцует с выпускником хореографического училища! – вспоминает Хашим Фатыхович. – Он был настоящим фанатиком. После спектакля, когда уже убирали декорации, и все артисты уходили домой, он оставался и репетировал, отшлифовывал…С 1961 года, после того как Рудольф Нуреев остался в Париже, увидеться нам так больше и не пришлось. А когда в 1987-м Рудик приезжал в Уфу, было сделано все, чтобы он ни с кем не встретился. В театре объявили выходной, артистов там не было, В хореографическое училище, которое сейчас носит его имя, не пустил вахтер. Телефоны Зои Насретдиновой и Фаузи Саттарова не отвечали. О том, что я тоже живу в Уфе, он просто не знал. Я же узнал о его приезде от Натальи Михайловны Дудинской, которая позвонила по телефону и сказала: «Рудик в Уфе. Найди его». Я бросился в училище, в театр, но никто ничего не знал!..

Судьба подарила Хашиму Фатыховичу встречи с великими людьми. С одним из них – хореографом Юрием Николаевичем Григоровичем, он дружит с юности.



– Мы учились в училище в одной группе, потом 18 лет работали в одном театре. Позже он перешел в Большой театр, а я переехал в Уфу, но это ничего не изменило, – подчеркивает Хашим Фатыхович.

Когда Юрий Григорович ставил в Уфе балет «Тщетная предосторожность», на роль Марцелины он пригласил своего друга, которому к тому времени было уже 75 лет!

– Мало кто узнал меня на сцене, и не только потому, что я был загримирован под женщину, – смеется, вспоминая спектакль, танцовщик. – Мне пригодилась моя актерская подготовка.

Не расстается с танцем он и сейчас, продолжая работать балетмейстером-постановщиком в Государственном академическом ансамбле народного танца имени Файзи Гаскарова.

Жизнь в танце

Танец в семье Мустаевых всегда был естественной средой существования. Поэтому перед

дочерью Хашима Мустаева Фаридой не стояло дилеммы, кем стать: врачом, как мама, или балериной. Только балериной! С юных лет Фарида Хашимовна знала, что такое театр, балет и не могла им «не заразиться».

Кстати, семья Мустаевых (фамилий менять не пришлось – молодожены оказались не только выходцами из Башкирии, но и однофамильцами) сложилась в Ленинграде. Они встретились уже зрелыми людьми. Он был солистом Кировского театра, она – врачом «Скорой помощи».

Мама, Рашида Исламовна капитан медслужбы, прошла Финскую и Отечественную войны, имела немало боевых наград. Самым дорогим из них в семье считают орден Красной Звезды. Поженившись, они соединили свои комнаты и жили на Набережной Фонтанки буквально в двух кварталах от театра.

Фаридочка, как ее называет отец, с раннего детства занималась в танцевальном кружке, а в 10 лет поступила в Вагановское училище.

– Это было замечательное время, – рассказывает Фарида Хашимовна. – В Большом репетиционном зале, который относился к Кировскому театру, мы, приоткрыв дверь смотрели, как репетируют звезды – Колпакова, Макарова, Комлева, Соловьев, Семенов... Мы знали весь репертуар, это было отличной практикой. Не помню ни высокомерия, ни снобизма, ни крика. К нам обращались на «вы», и надо было этому соответствовать. Правда, был постоянный страх отчисления. Через восемь лет учебы из 22 девочек в нашей группе осталось шестеро.

По окончании училища у Фариды был выбор – приглашали в Ленинградскую филармонию, оперную студию консерватории. Можно было подать заявление и в Кировский театр на конкурс. Но отец уже работал в Уфе, и она решила ехать к нему.

– И так мне понравилось в теплой солнечной Уфе по сравнению с холодным Ленинградом! Может, это из-за приветливых и дружелюбных людей и в городе, и в театре. Помню, в первые дни мне сказали, что через 20 лет надо идти на пенсию. Я ответила: «20 лет! Я же не натанцуюсь!» И действительно – не натанцевалась, – признается Фарида Хашимовна.

Она почти 40 лет работает в Башкирском театре оперы и балета – сначала солисткой, затем педагогом-репетитором. И уже 25 лет преподает народно-сценический танец в хореографическом училище.

– Только я поступила на работу, как уже начались гастроли в Стерлитамаке. Мне сразу дали сольные партии. Жизнь тогда била ключом. В театре работали приглашенные мастера. Например, в 1974 году балет «Испанские миниатюры» ставил Виано Гомес де Фонсеа Херардо. Это было событие: восемь премьерных спектаклей прошли при полном аншлаге! В то время в театре было много концертов, ставились специальные концертные номера. Хашим Фатыхович поставил чардаш – для меня и Шамиля Терегулова. Впоследствии он почти двадцать лет был художественным руководителем балетной труппы. Танцевала я и папину «Бурзяночку», которая первоначально была сольным танцем, и «Тимер тэнкэ»…

Театр постоянно гастролировал, и на гастролях в Костроме Фарида Хашимовна познакомилась со своим будущим мужем Романом Рафальсоном, первой трубой в оркестре. Оказалось, что они уже четыре года работали в одном театре, но не замечали друг друга…

Неудивительно, что оба их сына выбрали ту же стезю. Старший Леонид – солист оркестра Большого театра России, тромбонист. Продолжает театральную династию: недавно женился на балерине из Уфы, воспитаннице Башкирского хореографического училища Ксении. Она танцует в труппе знаменитого Гедиминаса Таранды, закончила Московскую академию балета как педагог.

Младший Миша - выпускник Башкирского хореографического училища. Кстати, в его классе Фарида Хашимовна пять лет преподавала характерный танец. Сейчас он – солист Екатеринбургского академического театра оперы и балета.

В семье Мустаевых не произносят громких слов о служении искусству. Они ему просто служат – уже в третьем поколении.

Гульназ ДАНИЛОВА.
Фото Александра ДАНИЛОВА.

В актерском ателье

МЕЧТА МОЯ – ОПЕРА

Что такое счастье? Каждый человек ответит на этот вопрос по-своему. Эльвира Алькина – солистка Башкирского государственного театра оперы и балета. Востребованная певица и заботливая жена и мама. Для нее счастье – быть одинаково успешной в профессии и проводить много времени с семьей. Выявить приоритеты трудно, словно эти две составляющие успеха не существуют порознь. Она любит читать книги вместе с сынишкой и мечтает когда-нибудь очутиться в Венеции. И в работе она находит не меньшее удовольствие и строит большие планы. Уже шесть театральных сезонов Эльвира Алькина уверенно осваивает репертуар: Джильда, Снегурочка, Церлина, Адина, Норина, Зубаржат, поет главные партии во всех операттах и стала, пожалуй, главной Золушкой театра. Ее уважают коллеги, и обожает публика. Кажется, Эльвира никогда не унывает, она давно взяла за правило: улыбнись, и мир улыбнется тебе!

В выборе профессии Эльвира никогда не сомневалась. С детства у нее было две страсти: петь и танцевать. И как бабушка ни мечтала, чтобы любимая внучка стала врачом, Эльвира никак не могла себя представить в белом халате. Поэтому вслед за музыкальной школой последовали занятия в хоровой студии «Ляйсан», а затем и поступление в Уфимское училище искусств. Там Эльвира попала к педагогу Елене Борисовне Махмутовой, которая посоветовала учиться на хоро-дирижерском отделении. Здесь будущая певица получила отличную выучку: овладела не только вокальными премудростями, но и музыкальными инструментами, вооружилась познаниями в теории музыки. По окончании училища Эльвира пять лет проработала в хоре уфимского театра. И решительно укрепившись в желании быть оперной певицей, солисткой, поступила в Уфимскую академию искусств имени З. Исмагилова к педагогу Лилии Даяновне Земчуриной.

- Опера – это моя мечта. Я всегда знала, что буду ни эстрадной, ни филармонической, именно оперной певицей. Но и в оперетте чувствую себя комфортно. Этот жанр любят зрители. Ни в одной опере не почувствуешь такого взаимодействия с публикой, как в оперетте. Если зритель безмолвствует, значит, делаешь что-то не так, нужно быстро собраться и «отрегулировать» роль. Оперетта не такой уж и легкий жанр, как все любят говорить. Легкий он от того, что там нет серьезных коллизий, кровавых драм, и все заканчивается хорошо. Текст легче воспринимается зрителем, чем пение. Так что оперетта легче именно для публики, но отнюдь не для артиста. Тут и поешь, и танцуешь, следишь, чтобы дыхание не сбилось – нужна хорошая подготовка физическая и эмоциональная. Что касается оперы, я не очень люблю статичные сцены, но это особенность жанра, от которой никуда не деться.

- Как начинается освоение роли?

- В училище нас учили работать так: берешь партитуру, идешь в библиотеку, читаешь либретто, читаешь о композиторе, об опере. Это очень помогает. Но не всегда так получается. Сейчас из-за нехватки времени часто начинаю сразу с нотного материала, но потом все равно стараюсь восполнить пробелы. Почему композитор написал в это время именно эту оперу? Что хотел сказать этим персонажем? Почему герой ведет себя так? Это помогает осознать персонаж, выстроить отношения с партнерами. Дальше наступает этап работы с режиссером. Актеры – словно глиняные сосуды, им можно придать любую форму и наполнить. Я, может, и хочу привнести что-то свое, но режиссер уже видит всю картинку, весь рисунок роли и взаимодействие персонажей. Бывает, что-то трудно принять, но тут уже речь о профессионализме.

- Случается такое, что не идет работа?

- Да, иногда не нравится что-то, но стараюсь не идти на конфликт. Я всегда выкладываюсь, критично к себе отношусь. Поэтому хочется, что бы все работали честно, а не спустя рукава.

- У вас есть какой-то ритуал перед выходом на сцену?

- В день трудных спектаклей, например «Риголетто» или «Снегурочки», особенно стараюсь соблюдать нехитрые правила: выспаться как следует, молчать, хорошо поесть. Смешно, с некоторых пор стала верить в примету: если упал клавир, то сажусь на него. И главное, понимаю, что глупо, а внутри что-то екает! Перед спектаклем важен настрой – не конфликтовать, успокоиться. Вот когда по-настоящему трудно, так это на премьере. Первые спектакли не люблю – нервничаю. Репетиции, прогоны много сил отнимают. Потом приходится долго восстанавливаться. Конечно, со временем появляется уверенность, по-другому относишься к роли и ведешь себя иначе. Одним словом, уже работаешь как профессионал… И в семье, в быту приходится что-то преодолевать, подстраиваться. Сейчас сынок учится во втором классе, такой возраст – нужно много внимания. Тут и сказки почитать, и попрыгать, и погулять, причем неважно – дождь или снег. Не буду же я ему говорить, что нет, милый, у меня спектакль. Конечно, иду и гуляю.

- Кто для вас публика: добрый друг, критик или экзаменатор?

- Поначалу зритель был наравне с экзаменатором. Я все критические заметки читала. Сейчас привыкла и отношусь как к доброму собеседнику. Зритель пришел посмотреть спектакль, послушать оперу. Я, как часть спектакля, стараюсь найти взаимодействие с залом, и, надеюсь, это получается

- Кто ваша любимая героиня?

- Очень люблю Снегурочку, мне ее комфортно исполнять. Норина нравится виртуозностью вокальной техники, Зубаржат – эмоциональным накалом. Сейчас для меня одна из сложных партий – Джильда. А я люблю то, что трудно. Если прикладываешь много усилий и справляешься в итоге – это доставляет колоссальное моральное и эстетическое удовольствие! Надеюсь, в дальнейшем спеть Памину, Розину. Хочется, чтобы в репертуар вернулась «Царская невеста». Партия Марфы – очень нужна для профессионального роста.

- Для некоторых ролей вы будто специально созданы! Например, Золушка, Снегурочка… И это не только мое мнение. Ощущаете себя сказочной героиней?

- Любая девочка хочет оказаться принцессой. В детстве я смотрела фильм «Золушка» с Яниной Жеймо и представляла себя на месте героини. Это ведь такое чудо: замарашка превращается в принцессу! И то, что теперь я играю Золушку на сцене, а детки примеряют мой образ на себя – настоящее волшебство. Стараюсь понравиться им. Да, в этом спектакле в полной мере ощущаю себя сказочной героиней!

- Какие партии для вас особенно желанны в профессиональном плане?

- В опере все партии для моего голоса – лирические, наивные, светлые. В оперетте – все роли субреточного плана. А мне хочется сыграть роковую героиню. Думаю, мне хватит темперамента, актерского мастерства. Но композиторы в подобных партиях видят певиц меццо, драмсопрано. Исключение, пожалуй, составляет «Травиата». И то Виолетта – не роковая красавица, она светлая, нежная, любящая, вынуждена играть роль дамы полусвета. Может быть, что-то и написано, но я с таким материалом не встречалась.

- И все же кто она – героиня-мечта?

- Похожая на роковую Кармен. Иногда сижу на этом спектакле и примеряю на себя, представляю, как я бы повернулась, посмотрела. И действительно осознаю, что могу сделать роль, могу сыграть. У Кармен есть особая магия… Ведь не просто так Мария Каллас взялась за эту партию – ей хотелось окунуться в пучину страсти, эмоциональную бездну. У лирико-колоратурного сопрано век короткий, внешнее соответствие образу со временем уходит. Я не хватаю звезд с неба. Я понимаю что могу, а что – нет. И доказываю профессионализмом, умением… Смелостью, в конце концов! Моя карьера развивается постепенно, и этому рада – всему свое время. Но… Боюсь не успеть сделать всего, что хочется. Каждый вокалист мечтает, чтобы на него поставили спектакль. Это своего рода признание профессионализма. Жду свою роль!

Валентина АЙШПОР.

На снимках: сцена из спектакля «Хрустальная туфелька». Золушка – Эльвира Алькина.
С сыном Максимом.
Эльвира Алькина и Тамара Рзаева. Москва, июнь, 2012 год.

Романтические горизонты

Солистка оперной труппы БГТО и Б Эльвира Алькина стала лауреатом III Международного конкурса музыкантов-исполнителей и композиторов «Романтизм: истоки и горизонты» памяти выдающегося композитора-симфониста Алемдара Караманова. В номинации «вокал-соло» она стала безоговорочным победителем в своей возрастной категории.

Конкурс прошел в конце июня в Москве и объединил более 70 участников из разных городов России – от Смоленска до Комсомольска-на-Амуре. Приехали также гости из Азербайджана, Литвы, Украины. Музыканты выступали в самых разных номинациях – фортепиано-соло, фортепианный ансамбль, вокал-соло, камерный инструментальный ансамбль, искусство концертмейстера, оркестровые инструменты-соло, народные инструменты-соло, композиция и др.

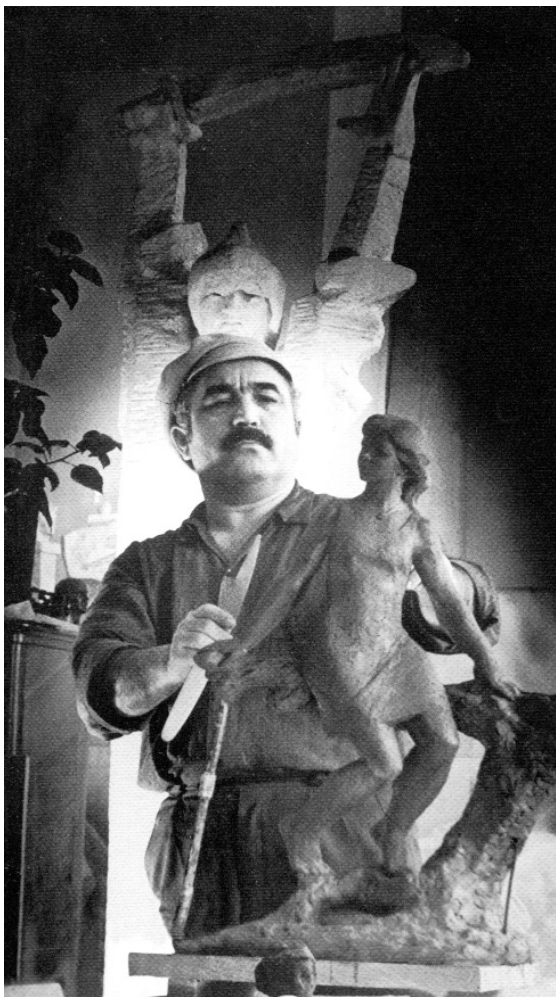
Председателем оргкомитета и жюри, художественным руководителем, а также идейным вдохновителем конкурса с первых дней его существования стала Тамара Марковна Русанова – заслуженный деятель искусств РФ, лауреат международных конкурсов, кандидат искусствоведения, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных. Тамара Русанова уверена, что состязание представителей музыкального искусства, проходящее в столице в третий раз актуально, как никогда, именно в наше стремительное время. Он объединяет прогрессивные силы в искусстве и гуманитарном образовании, укрепляет взаимодействие классических традиций с позитивными идеями будущего, а «вечное стремление к прекрасным горизонтам будет порождать все новые открытия и достижения в культуре».

Эльвира уверенно обошла конкурсантов из Москвы, Астрахани, Великого Новгорода, представив авторитетному жюри яркую программу из сочинений романтиков и других авторов XX века. Она исполнила романсы Ференца Листа, Йоханнеса Брамса, Рихарда Штрауса, Гуго Вольфа и виртуозный Концерт Рейнгольда Глиэра для колоратурного сопрано с оркестром. Певица выступила в дуэте со своим постоянным концертмейстером и коллегой по Уфимской академии искусств Тамарой Рзаевой, которая, кстати, стала обладателем второй премии этого же творческого состязания. По словам певицы, на конкурсе сложилась атмосфера подлинного творчества, участники чувствовали себя комфортно, получили не только массу приятных впечатлений, но и много полезного в профессиональном отношении.

Марина ЛУГОВАЯ.

К 85-летию со дня рождения Зильфата БАСЫРОВА

ОН СОТКАН БЫЛ ИЗ ТВОРЧЕСТВА И СВЕТА



Однажды, вскоре после того, как я стала работать в театре (это был 1998 год), в литературную часть вошел мужчина – не очень высокого роста, но крепкого телосложения, говорящего о том, что человек твердо стоит на земле и уверенно чувствует себя в жизни. Сразу обращало на себя внимание его лицо – открытое, приветливое, с умными, внимательными глазами.

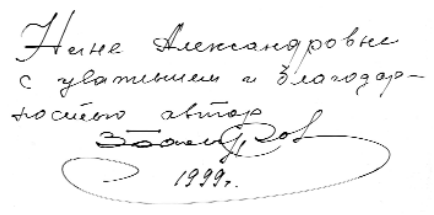
- Зильфат Рауфович Басыров, скульптор, – представился он.

Так мы познакомились. Художник как раз увлекся личностью Рудольфа Нуреева, ему нужны были фотографии, рисунки… Это сейчас можно войти в интернет и на многочисленных сайтах найти сотни снимков, изображающих танцовщика на сцене и в жизни. А тогда у нас не было ксерокса, о сканере даже не знали… Мы переснимали иллюстрации из книг и журналов, которые нам дарили зарубежные гости театра, сестра Рудольфа – Розида Евграфова, и были довольны. Подборкой фоторепродукций я осчастливила и Зильфата Рауфовича.

Через какое-то время он снова пришел:

- Вы ведь много писали о Нурееве, мне бы познакомиться с публикациями…

Чувствовалось, что он полностью в плену образа, ему нужно было как можно больше знать о танцовщике, его жизни, творчестве, взглядах, муках и радостях… В результате родился еще один шедевр скульптора – бюст Рудольфа Нуреева. К сожалению, я увидела эту работу гораздо позже, когда Зильфата Басырова уже не было среди нас. Он ушел из жизни как-то быстро и внезапно в 2000 году. Но Зильфат Рауфович успел сделать мне подарок – буклет о его творчестве, профессионально и любовно составленный искусствоведом Светланой Евсеевой (Игнатенко). Здесь много интересной и ценной информации о художнике: замечательная вступительная статья, хроника жизни и творчества, каталог произведений, множество иллюстраций – репродукций работ и личных фотографий, библиография, его собственные записки и удивительные, образные, глубоко лиричные и философские стихи. И на моем экземпляре – дарственная надпись Зильфата Рауфовича, сделанная красивым, истинно художническим почерком и напоминающая об этом светлом, добром человеке и моей причастности к одному эпизоду из его биографии.



К стыду своему, я по-настоящему открыла для себя этого человека-творца только сейчас, когда стала готовить статью о нем. Прочитала в журнале «Бельские просторы» его воспоминания о годах учебы в Уральском художественном училище в Нижнем Тагиле – восхитилась его литературным дарованием. Удивительно многогранная личность!

В Башкирию переехать его сагитировал писатель Вазих Исхаков в 1965 году, и все свои лучшие произведения Зильфат Бысыров создал на башкирской земле. На протяжении трех десятилетий он был одним из ведущих скульпторов республики. Свои произведения исполнял в тонированном гипсе, пластилине, бронзе, граните, меди. Самые известные его портреты – «Комдив А. Бахтизин», «Кинзя», «Салават Юлаев», «Сюимбике», «Шайхзада Бабич»… Вдохновенная серия работ, посвященных просветителю Акмулле… Его очень привлекали и волновали образы гражданского и героического звучания. Но как теплы и поэтичны в его воплощении женские лики! «Раушания», «Айгуль», «Русалка», «Воробышек», «Романтик», «Купальщица», «Златовласка»… Сколько в них красоты, душевности, тонкости!..

А с Башкирским государственным театром оперы и балета судьба связала художника еще в 80-е годы. Когда будете проходить по улице Ленина мимо театра – Аксаковского народного дома, обратите внимание на фигуры муз, украшающие фасад здания. Остановитесь на минутку, полюбуйтесь! Как органично вписались Евтерпа и Терпсихора в уютные ниши, специально для них предназначенные, но долгие годы пустовавшие!

О том, как создавались театральные музы, рассказывает сам Зильфат Рауфович в своих записках «Как я работал над своими произведениями»:

«Как-то заместитель Министра культуры по строительству Г.А. Рылов мне говорит: «Начинаем ремонт Оперного театра. Там ведь при строительстве было запланировано много скульптур, как на фасаде, так и в интерьере. Хотелось бы как-то оживить театр. Хотя бы фасад. Для двух ниш на уровне второго этажа нужно сделать две фигуры. Ты подумай».

Я принял предложение и начал работать. Познакомился с архивными материалами, с первоначальным проектом театра. Конечно, если бы изначально удалось все сделать так, как планировалось авторами проекта, то театр выглядел бы иначе – богаче, торжественнее, нарядней. Но, увы! Денег всегда не хватало, да и война помешала.

Я провел подготовительные работы, сделал эскизы и показал их руководству. Они были приняты, но с условием: одна фигура должна быть башкиркой. А из двух фигур муз выбрать одну – это мое право: либо Терпсихора, либо Евтерпа. Но решение должно быть классическим. Но как объединить практически в одной композиции фигуру мифологическую и фигуру в национальном костюме? Я попытался объяснить, что это ход надуманный. Но убедить начальство мне не удалось. Приехавший через полгода Л.Е. Кербель поддержал мнение верхов, хотя сами эскизы ему понравились. Я понял, что словом тут ничего не докажешь. Необходим другой метод убеждения – пластический, в объеме… Вылепил я три фигуры в пластилине размером 72 сантиметра по вертикали каждая, т.е. в одну треть будущей фигуры: фигуру Музы танца, фигуру Музы театра и фигуру башкирки. Первая фигура – с лирой, вторая фигура – с маской в одной руке и со свитком – в другой. А что дать в руку башкирке? Перебрал все инструменты – как говорится, «от курая до фортепиано». Остановился на цветке курая. Размер, выбранный мною, требовал много времени, но в то же время давал возможность проверить все детали, чтобы при лепке в большом размере не мучиться уточнениями. Хотя при увеличении изменения в пропорциях всегда происходят.

Время было потрачено не зря. Споров более не было. Мое изначальное предложение было принято. Но при этом решили сохранить и фигуру башкирки, правда, для Башдрамтеатра. Красивая получилась фигура и, на мой взгляд, убедительная. Фигуры я вылепил быстро. За лето обе фигуры Муз были готовы. Началась чехарда с переводом фигур в материал. Необязательность Художественного фонда сильно затягивала все наши работы, часто срывая сроки исполнения заказов. Так оказалось и здесь. Только через шесть лет после долгих и утомительных мытарств и унижений удалось выколотить фигуры из меди и осенью 1993 года установить их на месте.

… Как тепло приняли мою работу люди! Благодарили, желали успехов, беспокоились, как бы не испортили фигуры ночью, ведь время было не самое лучшее… Люди радовались: красота торжествовала на улицах Уфы. Как это было приятно! Но многие даже не заметили изменений на фасаде театра. И как ни странно это покажется кому-то, я радовался этому больше всего: значит, фигуры настолько удачно вписались в ниши, что многим казалось, что они были в них изначально. Это было настоящее счастье! Наконецто в Уфе появились мои работы. Дай бог, не последние».

Главное – приносить людям радость и добро. В этом – весь Басыров. На известный постулат Огюста Родена – **«Делая добро другим, не надейся остаться безнаказанным»** – художник-поэт ответил:

«Все равно к людям иду с Добром.
Не ожидая от них награду.
Может, Он сделает Добро Другому?..
И Добро найдет ко мне дорогу…»

Вот вам жизненное кредо Художника, Человека, Гражданина.

Таким запомнили Зильфата Басырова друзья, коллеги, родные, все, кто знал его. Тепло пишет о нем искусствовед Эвелина Павловна Фенина в статье «Памяти друга», анализируя его творчество, отмечая многогранность таланта, обаяние личности.

- Удивительно светлый человек был, – вспоминает хранитель Художественного музея имени М.В. Нестерова Валентина Мефодиевна Сорокина. - Талантливый станковист, работал увлеченно с разным материалом – камнем, деревом, металлом. Человек большой внутренней культуры… Мы ездили с ним в Татарстан на открытие музея в его родном селе. Он думал о молодежи, о школьниках, об их эстетическом воспитании и много работ подарил местной школе. Все, что его окружало, излучало доброту. Как уютно было в его мастерской… Порядок, чистота… Это в обиталище-то скульптора! На стенах развешаны листочки с его стихами… А знаменитая басыровская коллекция колокольчиков!..

Колокольчики хранятся у сына скульптора – Василя Зильфатовича. Он бережно и свято относится к памяти и наследию отца. Собрал воспоминания о нем и готов издать книгу. Нужен спонсор. Это он принес в театр бронзовый бюст Рудольфа Нуреева, который сейчас красуется в театральном эрмитаже – музее нашего великого земляка. Пока это произведение не является собственностью театра, тоже требуются спонсоры, чтобы сделать ценное приобретение.

Недавно огорчил один случай. В интернете я нашла сообщение о том, что холл старейшей музыкальной школы № 1, носящей имя Наримана Сабитова, украшает бюст композитора работы Зильфата Басырова. Захотелось посмотреть, полюбоваться. Не обнаружив в холле никакого мемориального предмета, я поднялась на второй этаж к директору школы. Римма Миниханова Падарбаева возглавляет это известное и престижное учебное заведение с 2000 года. Но мои вопросы привели ее в смущение. Когда и при каких обстоятельствах скульптура попала в школу, было ли торжество по этому поводу, а главное – где сейчас сие скульптурное творение?

Р.Х. Нуреев.

- Знаете, – явно чувствуя неловкость, сказала она, – вот вы сейчас спросили – и мне самой стало интересно. Подробностей я не знаю. А скульптура хранится… Она не в очень хорошем состоянии и находится … в подвале…

Римма Миниахановна по телефону разыскала ветерана школы Раилю Рауфовну Сафаргалиеву, передала мне трубку, но ответов на вопросы я и от нее не услышала. Римма Миниахановна пообещала провести, так сказать, частное расследование, выяснить все обстоятельства и сообщить мне. Я оставила визитку со всеми координатами – театральными, домашними, номером мобильного телефона. Прошло больше месяца – звонка не было.

Мы говорили об этом, когда с Василем Зильфатовичем пришли к художественному руководителю театра Рустэму Нариановичу Сабитову. И представьте, как мне было неловко перед двумя сыновьями – композитора и скульптора. Осталось только заверить обоих, что в школе обещали заняться этим делом, и, будем надеяться, бюст Наримана Гилязовича в скором времени будет восстановлен и водружен на почетное место для всеобщего обозрения.

Весной в театре побывал известный танцовщик, режиссер, продюсер Андрис Лиепа. Увидев басыровскую работу в музее Нуреева, он пришел в восторг, беспрестанно щелкал его фотоаппарат. Оказывается, Андрис и сам немного занимается лепкой, поэтому оценил скульптуру вполне компетентно и профессионально. Кроме того, он хорошо знал Рудольфа, много общался и работал с ним, танцевал в его балетах, и уверенно отметил выразительность образа, точную передачу внутреннего духа Нуреева, его дерзость и мятежность. Андрис предложил сделать небольшие копии бюста и дарить их гостям, участникам уфимских нуреевских фестивалей. Эта идея и раньше не раз звучала в стенах театра. Вопрос решается. Возможно, уже со следующего фестиваля танцовщики разъедутся по разным уголкам России и всего земного шара с образом гениального танцовщика, воплощенного талантливым, светлым, добрым человеком – Зильфатом Басыровым.

Нина ЖИЛЕНКО.

Эвтерпа.

Терпсихора.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МОНИТОР

Знай наших!

Солистка балета Валерия Исаева стала дипломантом IV Международного конкурса Юрия Григоровича "Молодой балет мира".

Солистка балета Ирина Сапожникова стала лауреатом II премии одного из престижных международных конкурсов танца “Premio Roma Danza”, который проходил с 1 по 5 июля 2012 года в Риме (Италия). Конкурс, одиннадцатый по счету, собрал талантливых танцовщиков в возрасте от 18 до 24 лет из разных стран: Италии, Франции, Австрии, Словакии, Сербии, Словении, Чехии, Казахстана, Китая и др.

Испанский роман. Продолжение

Ибица – живописный уголок в Средиземном море. Этот испанский остров получил широкую известность благодаря многочисленным клубам, где исполняется электронная музыка. Ей посвящен даже традиционный фестиваль. Оттого удивительно было услышать от солистки Башкирского государственного театра оперы и балета Альфии Каримовой, что она дала там сольный концерт.

5 июля в рамках фестиваля «Оперные ночи на Ибице» и прошло выступление уфимской дивы. Проект придумала местная ассоциация поклонников академической музыки. На протяжении нескольких лет в самый разгар туристического сезона на испанский курорт высаживается целый десант певцов и музыкантов из разных стран мира. Альфия Каримова в четвертый раз приняла участие в фестивале, но «полнометражный» концерт давала впервые.

- Ибица всегда была и остается меккой молодежи – это пляжи, клубы, вечеринки, – делится впечатлениями Альфия. – И вдруг… такой удивительный проект! С удовольствием приезжаю, успела полюбить этот остров. Фантастическая природа, чистейшее море и удивительные люди, преданные классическому искусству… У этого фестиваля своя публика, которая неизменно заполняет залы. Помимо ценителей, были просто отдыхающие, наши соотечественники. Очень тепло принимают, и, что приятно, в этот раз пришли именно на меня. После концерта подходили, поздравляли. Для меня подобные выступления – это возможность придумать новые программы, расширить репертуар, привлечь новых слушателей, познакомиться с новыми людьми.

Альфия выступала в культурном центре города Санта-Эулалия. Партию фортепиано исполнила петербурженка Елена Колесникова. Она двенадцать лет обитает в Барселоне и давно сотрудничает с Альфией. Программа состояла из двух частей. В первом отделении прозвучала французская, во втором – итальянская музыка.

Кстати, роман с Испанией у Альфии Каримовой длится с 2007 года. Тогда она приняла участие в Международном конкурсе вокалистов имени Франсиско Виньяса. В 2011 году заняла первое место на конкурсе в городе Аликанте. Жюри под председательством легендарной Аны Марии Санчес отдало предпочтение единственной россиянке. Это было 29 (!) вокальное состязание Альфии Каримовой. В нынешнем феврале в Барселоне прошел сольный концерт певицы, в котором она радовала испанскую публику русской и итальянской музыкой.

- Концерт – марафон, не спектакль, где есть другие герои, дуэты, можно перевести дух, - признается Альфия. – Концертное исполнение – совершенно иное. Любой номер – своего рода миниспектакль. В каждом – нужно раскрыть идею, вывести кульминацию, развязку, создать драматический и эмоциональный образ. Это трудно и красиво!

Миссия выполнима!

Солистка Башкирского государственного театра оперы и балета Катерина Гильмутдинова приняла участие в XV Международных днях оперного искусства ТЮРКСОЙ, посвященных 100-летию выдающейся казахской оперной певицы Куляш Байсеитовой. В фестивале, проходившем с 26 по 30 мая в Турции и на Кипре, приняли участие известные артисты из Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Татарстана, Турции, Башкортостана, Боснии и Герцеговины и других тюркоязычных стран.

Фестиваль проходил в два этапа. В Театре Оперы имени Сюреййа-паши (Кадыкее) в Стамбуле были исполнены произведения мировой классики в сопровождении Симфонического оркестра театра оперы и балета города Стамбула. В камерной атмосфере на сцене древнего аббатства Беллапаис в городе Гирне (Северный Кипр) наряду с классической музыкой звучали произведения тюркоязычных композиторов.

- Эта поездка – настоящий подарок, – признается Катерина Гильмутдинова. – Я рада, что именно меня выбрали представлять Башкортостан на фестивале. Почетная и ответственная миссия! Думаю, я с ней справилась.

Древнее аббатство Беллапаис (город Гирне, Северный Кипр) поразило фантастической акустикой и теплым приемом.

Для выступления на фестивале певица подготовила коронные арии, словно специально созданные для ее богатого меццо-сопрано: «Сегидилью» и «Хабанеру» из оперы Жоржа Бизе «Кармен» и третью арию Далилы из оперы Камиля Сен-Санса «Самсон и Далила». Примечательно, что на фестивале Катерина была единственной представительницей этой певческой группы.

По возвращении Катерина с энтузиазмом делится впечатлениями:

- Было ощущение, словно пою на родной сцене – такую поддержку чувствовала от оркестра. Дирижер Наджи Озгюч – внимательный и деликатный, с ним очень комфортно работать.

Отдельных слов заслуживает публика. Принято считать, что самый искушенный зритель – итальянский: Италия - родина оперы, и только там знают толк в настоящем пении. Так вот Турция тоже может похвастаться культурой понимания этого непростого жанра. На концертах было много обычных людей, не связанных профессионально с музыкой: рядовых горожан и туристов. И неожиданно для себя я заметила: люди в зале пели вместе с исполнителями! Это потрясло и восхитило.

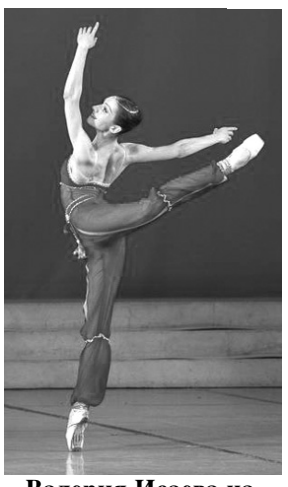
Организаторы фестиваля оказали нам теплый прием. Не случалось никаких накладок в передвижениях по стране, мы смогли посетить несколько экскурсий. Мне понравилось, что к каждому солисту был индивидуальный подход, на каждого были выписаны репетиции, легко решались бытовые проблемы.

Самое главное – появилась возможность в непринужденной обстановке пообщаться со сверстниками – солистами других театров, узнать кто чего добился, оценить уровень их исполнительского мастерства и, конечно, чему-то научиться самой.

Альфия Каримова.

Справка. **ТЮРКСОЙ – международная культурная организация, объединяющая тюркоязычные страны. Основной целью организации является сотрудничество между тюркскими народами для сохранения, развития и передачи будущим поколениям общих материальных и культурных памятников тюркских народов.**

Валентина АЙШПОР.



Валерия Исаева на конкурсе в Сочи.

Ирина Сапожникова.

Катерина Гильмутдинова в Турции.

НИКТО НЕ СПЕЛ ЖИВЕЙ КУРАЯ О КРАСОТЕ РОДНОГО КРАЯ

На сцене Башкирского государственного театра оперы и балета прошел Торжественный вечер, посвящённый 100-летию со дня рождения народного артиста БАССР, заслуженного работника культуры РСФСР, лауреата Государственной премии им. С. Юлаева, кураиста, певца, актёра, педагога и фольклориста Гаты Сулейманова. Он состоялся в рамках V Международного фестиваля тюркоязычных театров «Туганлык». В конкурсной программе приняли участие 14 коллективов из Турции, Кыргызстана, Азербайджана, Казахстана, Молдовы, Автономной Республики Крым (Украина), Татарстана, Чувашии, Дагестана, Хакассии, Якутии. Вне конкурса свои лучшие спектакли представили семь республиканских театров.

Гата Сулейманов семилетним мальчишкой взял в руки курай, и это определило его судьбу. Необозримые баймакские просторы, напевы односельчан, виртуозная игра музыкантов-самоучек – все это способствовало формированию таланта будущего исполнителя. В пятнадцать лет юноша покидает родные места, учится в Уфимском театральном техникуме и башкирской студии при Московской консерватории. В 1940 году он возвращается на родину и начинает карьеру профессионального артиста. Более тридцати лет Гата Зулькафилович посвятил театральному искусству, создал яркие образы в оперных, а особенно - в драматических спектаклях. Параллельно он давал множество концертов, пропагандировал курай не только в республике, но и по всему Советскому Союзу, не раз выезжал в составе культурных делегаций в зарубежные страны.

Сулейманов – автор исследований, посвященных “визитной карточке” башкирского народа – кураю. Книги “Уроки пения и музыки” и “Курай” стали настольными для многих любителей национального искусства. Десять лет он преподавал на отделении курая Уфимского училища искусств, передавая свой бесценный опыт подрастающему поколению.

Он вошел в историю башкирской культуры, оставив богатое духовное наследие. В 2012 году Международная организация ТЮРКСОЙ внесла имя Гаты Сулейманова в список выдающихся личностей тюркского мира, а его 100-летний юбилей – в программу ее Тридцатого заседания, которое прошло в Уфе.

На торжество по случаю 100-летнего юбилея легенды башкирского искусства прибыли почетные гости: премьер-министр Правительства Республики Башкортостан Азамат Илембетов, заместитель министра культуры Российской Федерации Андрей Бусыгин, генеральный секретарь Международной организации тюркской культуры ТЮРКСОЙ Дусен Касеинов, министры и заместители министров культуры стран и республик – членов ТЮРКСОЙ: Российской Федерации, Азербайджана, Турции, Казахстана, Кыргызстана, Саха (Якутии), Татарстана, Тывы и Гагаузии (Молдова). С приветственными речами к собравшимся обратились заместитель премьер-министра Правительства Республики Башкортостан Салават Сагитов и генеральный секретарь Международной организации тюркской культуры ТЮРКСОЙ Дусен Касеинов.

Торжественный вечер стал одним из ярких примеров тому, что государственная политика Башкортостана в области культуры основана на постоянном внимании к созидателям духовного богатства и уважении ко всем деятелям профессионального искусства и самодеятельного художественного творчества. Главным “действующим лицом” яркого, оригинально оформленного театрализованного действа (режиссер Рустэм Галеев, художники Светлана Мухамедьярова, Равиль Ахметзянов) стал, конечно же, курай. В нем – душа, история и судьба башкирского народа. Но он поет не только о прошлом, курай – наш современник. Сейчас он приобрел новое звучание: он солирует в симфоническом оркестре, импровизирует в джазе и все чаще к нему обращаются рок-музыканты.

Музыкальную часть открыла масштабная вокально-симфоническая картина “Башкортостан – страна орлов” на тему народной песни “Буранбай” в исполнении Национального симфонического оркестра РБ (дирижер – Рустэм Сулейманов), хора Башкирского государственного театра оперы и балета, хора Муниципального фольклорного ансамбля песни и танца “Мирас” (хормейстер – Эльвира Гайфуллина), Владислава Муртазина (орган) и кураистов Ильшата Ишмуратова и Ильшата Султангареева. После “эпического зачина” устроители праздника предложили зрителям яркий калейдоскоп концертных номеров, в которых курай засверкал всеми своими гранями. Обработки народных мелодий (“Ашкадар”, “Шафик”, “Уралым”, “Игзаков”, попурри на темы мелодий народов мира) сменялись авторскими сочинениями (Фантазия №1 М. Ахметова, “Родная земля” Н. Даутова – А. Игебаева, “Родной язык” А. Кубагушева – З. Биишевой, “Играй курай!” А. Туктагулова – З. Кутлугильдиной), звучали стихотворения, воспевавшие курай (ведущие Гульшат Гайсина и Фирдат Галиев).

На сцене свое мастерство продемонстрировала целая плеяда кураистов – Роберт Юлдашев, Азат Аиткулов, Расуль Карабулатов, Ильшат Ишмуратов, Рустам Шарипов, Марсель Саитов, Ильшат Султангареев. Не отставали от мэтров и юные музыканты – воспитанники академии и училища искусств, музыкальных школ республики. В концерте также приняли участие певцы Флюра Кильдиярова и Ямиль Абдульманов, Алим Каюмов и Диляра Идрисова, танцовщики Рашида Туйсина, Гузель Сулейманова, Ильдар Маняпов, Национальный оркестр народных инструментов РБ (художественный руководитель –Рамиль Гайзуллин), Государственный академический ансамбль народного танца им. Ф. Гаскарова, фольклорно-эстрадная группа “Караван-сарай”, группа “Курайсы”, Театр танца Стерлитамакской филармонии (художественный руководитель - Риф Габитов).

Марина ЛУГОВАЯ.

На снимке: кураист Марсель Саитов. Дирижирует оркестром Рустэм Сулейманов. Фото Сергея Барабаша.

Письма из Калифорнии

ВСТРЕЧИ С ДМИТРИЕМ ХВОРОСТОВСКИМ

Город Сан-Франциско – крупный культурный центр Соединёных Штатов Америки. Здесь находится один из величавых концертных симфонических залов мира San Francisco Symphony (SFS). Много людей вложили средства в его создание, но инициатора звали Davies, поэтому часто это заведение называют **Davies Symphony Hall.**

Президент SFS – John Goldman. Музыкальным руководителем в 1975 году был назначен известный пианист и не менее известный дирижер Michel Tilson Thomas. Впервые он появился в Сан-Франциско в качестве пианиста в 1974 году. Он почётный член многих музыкальных академий мира, его репутация прекрасного музыканта позволяет симфоническому залу быть в числе передовых и популярных центров классической музыки.

Однажды, 24 января 2009 года, мне посчастливилось посетить SFS. В этот день состоялся концерт великого российского баритона Дмитрия Хворостовского. Это был новогодний подарок моих друзей Рощиных – Майи и её очаровательной внучки Ольги, за что я премного им благодарен. Несмотря на то, что я был на концерте Хворостовского в Уфе, решил ещё раз послушать его и в Сан Франциско. Для этого было несколько причин: во- первых, ещё раз насладиться его могучим голосом и великолепным исполнением; во- вторых, познакомиться с уникальным зданием и залом; в-третьих, сравнить программы, публику Уфы и Сан-Франциско.

Концерт состоялся при финансовой поддержке известной нефтяной компании Chevron.

Дмитрий Хворостовский родился и учился в Красноярске. Западную публику он покорил дебютом в Opera de Nice (театр в Ницце, Франция). В 1989 году он побеждает в Международном конкурсе оперных певцов ВВС «Кардиффские голоса» (Уэльс, Великобритания) – признан лучшим певцом мира. После этого его стали приглашать все известные театры мира: Metropolitan Opera, Paris Opera,Vienna State Opera, Teatro alla Scala в Милане, Tokyo's Suntory Hall и другие. В 2005 году по приглашению президента России В. Путина совершил турне с концертом по всей России в честь 60-летия победы над фашистской Германией. В последнее время даёт совместные концерты ещё с одной звездой российской оперы – Анной Нетребко. Выступал в Китае во время олимпийских игр.

Один из известных журналов "Vanity Fair" писал о Хворостовском: **«От него исходит то, что заставляет мир впадать в экстаз, забыться, и это напоминает новое пришествие высочайшего российского таланта в США, подобное пришествию М. Барышникова в мир танца»**. В этом я убедился, после того как моя соседка – Валентина из Москвы – во время концерта пыталась сказать мне что-то, но все рядом сидящие страшно возмутились: они очень внимательно слушали Хворостовского, хотя по-русски они ничего не понимали.

Тесное сотрудничество со знаменитым симфоническим холлом Сан-Франциско Д. Хворостовский начал в 2004 году.

Весьма разнообразен репертуар певца. В Сан-Франциско он исполнял, в основном на русском языке, произведения Петра Чайковского, Николая Метнера и Сергея Рахманинова.

Я обратил внимание, что программа состояла, в основном, из песен, которые так и напоминают Родину. Дмитрий выбрал их словно для того, чтобы некоторые русскоязычные зрители успокоили свою ностальгию, а другие – возбудили это чувство. Романсы Петра Ильича вполне соответствовали этой задаче: « Отчего побледнела весной Пышноцветная роза сама ..», «О если бы ты могла хоть на единый миг Забыть свою печаль, забыть свою невзгоду ...», «Скажи, о чем в тени ветвей, Когда природа отдыхает…» и т.д. Все романсы сопровождались бурными аплодисментами, но особенно восторженно были встречены «Средь шумного бала» и «Серенада ДонЖуана».

Песни Николая Метнера тоже содержали печальную тематику: «Я пережил свои желанья, Я разлюбил свою мечту…», «Ты в страсти горестной находишь наслажденье, Тебе приятно слёзы лить…». Аналогичными были и песни Сергея Рахманинова: «Пора! Явись, пророк, Всей силою печали…», «Не верь мне, когда в избытке горя Я говорю, что разлюбил тебя…». Особенно тепло был воспринят романс Рахманинова «Весенние воды».

Его исполнением и завершился концерт. Но тут снова вышел Дмитрий Хворостовский – один, без сопровождающего музыканта , и спел народную песню «Прощай, радость»:

Жизнь моя, Любовь моя,
Значит, едешь без меня…
Значит, мы должны расстаться,
Тебя мне больше не видатью…

Эта песня привела весь зал в бешеный восторг, зрители встали и долго, бурно аплодировали, восклицая «Браво».

Песни исполнялись под прекрасное музыкальное сопровождение пианиста Ильи Ивари. Ивари родился в Таллине. Он учился в Таллинской государственной консерватории и продолжил обучение в Московской консерватории имени Чайковского. Победитель престижных международных конкурсов пианистов, аккомпанировал многим всемирно известным певцам (Ирина Архипова, Мария Гулегина, Елена Заремба и другие). Впервые встретился с Д. Хворостовским в 2004 году в Сан-Франциско.

Напомню, что концерт состоялся в прекрасном помещении **Davies Symphony Hall** в самом центре Сан-Франциско. Есть еще название: **Civic Center.** Здание резко выделяется среди других строений необычностью своей архитектуры. Это овальное трёхэтажное стеклянное здание, расположенное на перекрестке улиц Ван Несс Авеню и Гроув. Зрительный зал с прекрасной акустикой, также имеет овальную форму. Необычное расположение мест внутри холла. Перед сценой громадная оркестровая яма. Для зрителей расположены места в партере и на балконах первого и второго этажей. По бокам партера и балконов имеются лоджии. На втором этаже расположены сиденья для зрителей с обратной стороны сцены. Эти места, как мне кажется, не совсем удобны, поскольку во время концерта зрители, в основном, видят спину и затылок исполнителя. Правда, цены на эти места не кусаются.

В фойе раздавали (а не продавали, как у нас) прекрасные рекламные буклеты и программы не только текущего концерта, но и программы концертов в Davies Symphony Hall на весь год.

Я стал присматриваться к зрителям и удивился, что более половины были русскоязычными. Очень приятно было встретиться с моей бывшей коллегой из Башкирии геологом Валентиной Аркадьевной Тихоновой, приехавшей на концерт со своей дочерью Ириной, её мужем и его родителями. Интересно, что в зале было немало и англоязычных зрителей, несмотря на то, что вся программа была на русском языке. Слева от меня сидела пара: она – испанка, партнёр – колумбиец. В перерыве я убедился, что они не русскоязычные. На мой вопрос, понравился ли им концерт, ведь они не знают русского языка, на котором звучала вся программа, они ответили, что им очень нравится сама музыка и особенно приятный могучий баритон и манера исполнения Дмитрия Хворостовского.

Во время концерта стояла гробовая тишина, у многих глаза подозрительно блемтели. Хотя русские эмигранты и говорят, что ностальгия им не присуща, я, глядя на их слезы, не поверил этому.

Кстати, о ценах. Стоимость билетов зависит как от знаменитости и популярности исполнителя, так и от расположения мест. На концерт Д. Хворостовского билеты стоили от 25 до 85 долларов США. Кстати, в Уфе билеты на его концерт стоили от 1200 до 3000 рублей (от 40 до 120 долларов США).

Я пришёл раньше и ждал в фойе на входе, когда подойдут Рощины с билетами. Кассы были свободны, и я поинтересовался наличием билетов. Билеты были. Правда, от 50 до 80 долларов США. К началу концерта все распродали, зал был полон, а это значит, что присутствовало около пяти тысяч зрителей.

Так завершился концерт выдающего певца XXI века Дмитрия Хворостовского.

13 февраля 2011 года я решил вторично посетить концерт всемирно известного баритона. В газете «Русская жизнь» прочитал, что начало концерта в 14-00. Приехав в Симфони Холл, узнал, что концерт начинается в 19-00 и что все билеты на концерт распроданы. Решил погулять по улицам Сан-Франциско. Когда вернулся к Симфони Холл, ко мне подошёл пожилой человек и предложил купить билет на концерт Д. Хворостовского. Взглянув на цену в $60, я отказался. Он понял и попросил с меня $10. Решил купить, чтобы без проблем войти в холл. Концерт уже начался, и опоздавшие смотрели выступление певца на экране телевизора. Прошёл в Грин зал, где записываются для встречи с Д. Хворостовским. Однако ассистент мне сказал, что встретиться с ним можно во время "CD sign". После долгих объяснений я понял, что после концерта артист выйдет в фойе и поставит свой автограф на компакт-дисках, которые зрители купили перед концертом. Теперь, уже уверенный в том, что встреча состоится, я вошёл в зал и послушал концерт.

Программа отличалась от данной им в январе 2009 года, исполнялись произведения других композиторов. В частности, в первом отделении звучали песни известного французского композитора, дирижёра, органиста и музыкального критика Габриэля Форе («Осень», «Сильвия» и др.) и российского государственного деятеля и композитора Александра Танеева («Люди спят», «Менуэт» и др.). Во втором отделении были исполнены песни австро-венгерского композитора, пианиста, педагога, дирижёра, публициста, одного из крупнейших представителей музыкального романтизма Ференца Листа и русского композитора, дирижёра, педагога, музыкального журналиста Петра Чайковского («Мы сидели с тобой», «Ночь», «Снова, как прежде, один» и другие). Аккомпанировал тот же пианист Илья Ивари. Песни исполнялись на родных языках композиторов.

Каждая песня сопровождалась бурными аплодисментами. Зрители долго не отпускали певца, на бис ему пришлось исполнить ещё три песни. По окончании концерта в фойе установили стол, к которому выстроилась огромная очередь желающих получить на компакт-диске автограф Хворостовского. В начале этой очереди был и я.

Минут через десять после окончания концерта Дмитрий вышел в фойе и в сопровождении громких аплодисментов устроился за столом. Очередь быстро двигалась, ибо он просто расписывался на дисках. Дошла очередь и до меня. Я приготовил ему свой репортаж о его концерте в 2009 году и газету с моей заметкой «А. Вертинский в Сан-Франциско». Он с интересом взглянул на заметку и задал вопросы о моём расследовании по пребыванию Вертинского в городе. На вопрос о том, как я могу сравнить приём Вертинского и приём Хворостовского зрителями в Сан- Франциско, я ответил, что популярность певцов из России очень велика. «Что касается голоса, то ваш голос не сравним». Спросил также, какую роль сыграла моя заметка. Я рассказал, что в Кливленде, прочитав эту статью, люди решили ехать на его выступление в Чикаго. Затем я подарил кружку с магнитом, где написано: "I love San Francisco". Сувенир ему очень понравился, и он решил подарить мне автограф. У меня была программа концерта, на которой он и расписался.

Расстались мы после крепкого рукопожатия, слов благодарности друг другу и под неодобрение зрителей, не довольных нашей затянувшейся беседой.

Так состоялось личное знакомство с великим баритоном уже XXI века, которое никогда не будет забыто.

Марат НАЗИРОВ.

На концерте с Ильей Ивари.

Семья на прогулке.

С Рене Флеминг.

Редактор Н.А. ЖИЛЕНКО. Дизайн, верстка А.И. ПОПЁНОВ.
Отпечатано в ГУП «Издательство «Башкортостан». Тираж 500 экз. Заказ № 3852 от 02.10.2012 года.